

№ 61
Июль 1963 год

ГОД ИЗДАНИЯ 12-Й

ВОЕННАЯ ГАЗЕТА

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ - КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

Редакция «ВОЕННОЙ БЫЛИ», с глубокой скорбью, извещает о кончине своего дорогого
сотрудника штабс-ротмистра

Федора Евгениевича Кочетова

последовавшей после долгой и тяжелой болезни, в Германии.

СОДЕРЖАНИЕ:

1-й Сибирский Императора Александра I кадетский корпус — Г. Чепланов 2	1
Члены Полковой Семьи — Б. Кузнецов	4
Переход через Байкал — Е. М. Красноусов	6
Из войны 1914-1917 гг. — А. Драгомиров	11
Из прошлого Кавалергардов — В. Н. Звегинцов	14
С Волжской батареей под Ином — Н. Голеевский	15
Наши Туркестанские начальники. 2. Генерал Леш — полк. Елисеев	19
Атака под Шавлями — Василий Вырыпаев	21
Бой Каспийского полка — Д. С.	22
«Султан» — А. Космодель	24
Военные училища в Сибири — А. Еленевский	26
Соприкосновение с армией — Владимир Новиков	35
«История Елисаветградского училища» — полк. Александр Рябинин	38
Курьезный эпизод — П. С. Бассен-Шпиллер	39
Морунгенский трофей — С. Андоленко	40
Еще об офицерском нагрудном знаке роты Его Величества лейб-гвардии Преображенского полка — С. Андоленко	42
Из истории лейб-гвардии Гродненского гусарского полка — А. Левицкий	43
За рубежом — на службе Отечеству. 1. Объединение Лейб-Егерей В. Каменский	44
Хроника «Всенной Были»	45
Письма в Редакцию	46

Изменение правил подписки:

Подписка принимается на **ШЕСТЬ** номеров, начиная с № 58 по 63 включ. Подписная цена: зона франка — 15 фр., зона фунта — 25 шилл., зона доллара — 4 ам. дол. 50 ц. на **ШЕСТЬ** номеров. Почтовый счет во Франции: «Le Passé Militaire» 3910-12 Paris.

Всю переписку по издательству направлять по адресу Редакции:

61, rue Chardon-Lagache, Paris 16.

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

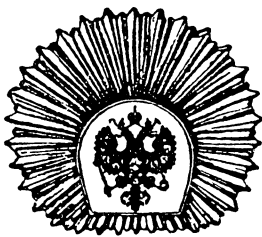
АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ — 61, rue Chardon-Lagache Paris (16) MIR 72-55

12-й год издания

№ 61 ИЮЛЬ 1963 Г.

BIMESTRIEL. Prix — 2,50 Frs

К 150 летию 1-го Сибирского Императора Александра 1 кадетского корпуса

1/14 мая сего года исполняется 150 лет со дня основания 1-го Сибирского Императора Александра I кадетского корпуса, и мне, как бывшему воспитаннику этого корпуса и участнику празднования столетнего юбилея этой славной школы, хотелось-бы напомнить, не только своим сибирякам, но и всем бывшим кадетам Российских Императорских кадетских корпусов, одно врезавшееся в память, и так сейчас необходимое на деле, стихотворение, составленное одним из бывших кадет нашего корпуса (Н. А. Михайлов) и прочитанное на общем кадетском завтраке в день столетнего юбилея корпуса:

«Не ношу я амуниции:
Я ведь штатский, господа,
Но кадетские традиции
Не забуду никогда.

Я кадет... Ни фрак, ни звание
Не сотрут окраски той,
Что дало мне воспитание,
И оно умрет со мной.

Школа пройдена суровая..
Что-ж, об этом спору нет,
Но там сила в нас здоровая
Зрела с самых юных лет.

Сила эта — дружба верная,
Светлый разум, здравый толк:
Их Царю любовь безмерная, —
Это первый, высший долг.

Господа, из солидарности
С тем, что я сейчас сказал,
Каждый с чувством благодарности
Пусть осушит свой бокал:

За родное заведение —
Слава, честь ему, хвала, —
Не скрывая чувств волнения,
Грянем в честь его «УРА».

В этом своем коротком стихотворении-здавице мой одноклассник Н. А. Михайлов точно охарактеризовал ту подготовку, которую давал наш корпус (и все другие кадетские корпуса) своим воспитанникам: «Я кадет... ни дар, ни звание не сотрут окраски той, что дало мне воспитание, и оно умрет со мной»...

Я думаю, что с этим согласятся бывшие воспитанники всех кадетских корпусов, и вместе со мной помянут добрым словом славный 1-й Сибирский Императора АЛЕКСАНДРА I кадетский корпус в день его стапятидесятилетнего юбилея.

Вспомнят и свои родные корпуса, еще раз переживут в своей памяти лучшие годы своей жизни — свои кадетские годы, и оживят в своем сердце, начавшие уже к сожалению замирать, те заветы, которые дал и воспитал в нас кадетский корпус: верная дружба, взаимная поддержка, верность своему долгу и служба Родине-России до последнего нашего издыхания.

Описание Истории родного корпуса заняло бы слишком много времени, да это и не позволит сделать размер моей статьи, а потому, я думаю, будет достаточно напомнить лишь «Высочайшее Благоволение Корпусу» и «Высочайшую Грамоту» на пожалованное к юбилею знамя, дающие своим содержанием, краткую Историю Корпуса.

ВЫСОЧАЙШЕЕ БЛАГОВОЛЕНИЕ.

«Божиею милостию, Мы, Николай Второй, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочая, и прочая и прочая, Нашему Первому Сибирскому Императора Александра I кадетскому Корпусу.

В царствование блаженной памяти Императора Александра Первого Благословенного, 1-го мая 1813 года, на дальней окраине, в Омске, по мысли Командира Отдельного Сибирского корпуса генерала Глазенапа, было учреждено Омское войсковое казачье училище для воспитания и образования в нем сыновей сибирских казаков, открытое с небольшим комплектом учащихся.

Училище в конце 1812 года имело сотенный состав питомцев и, постепенно развиваясь, в 1819 году увеличило свой состав до 332 человек учащихся, дав в 1822 году первый выпуск офицеров, подготовленных для несения службы в казачьем войске.

Училище упрочило свое положение и, преобразованное в 1826 году в Училище Сибирского Линейного казачьего войска, заведение это было впоследствии расширено путем присоединения к нему Азиатской школы, имевшей целью готовить переводчиков для сношения с местными инородцами-татарами и киргизами.

В 1845 году Омское Училище Сибирского линейного казачьего войска было преобразовано в Кадетский корпус, с наименованием его Сибирским.

Получив в том-же году одинаковое с прочими кадетскими корпусами Империи устройство, Сибирский кадетский корпус пережил с ними ряд преобразований, которые коснулись этих заведений сперва в период существования военных гимназий, а затем и в период переименования этих заведений в кадетские корпуса, причем с 1907 года Сибирский кадетский корпус стал именоваться Омским.

Втечение протекших ста лет Омский корпус подготовил сотни офицеров, с честью исполнявших свой святой долг, из коих многие запечатлели служение свое престолу и родине смертью на полях сражений.

В знаменательный день столетнего юбилея Мы с отрядным чувством изъявляем Омскому кадетскому корпусу НАШЕ МОНАРШЕЕ БЛАГОВОЛЕНИЕ и повелеваем именоваться ему впредь Первым Сибирским Императора Александра Первого кадетским корпусом. Уповаем, что в стенах сего заведения и впредь будут подготавливаться крепкие в вере, сильные духом и телом, образованные и преданные долгу офицеры для нашей доблестной армии.

На подлинном собственной Его Императорского Величества рукою написано «НИКОЛАЙ».

В Царском Селе 1 мая 1913 года.

ВЫСОЧАЙШАЯ ГРАМОТА

«Божией Милостию, Мы НИКОЛАЙ II, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочая и прочая и прочая.

Нашему Омскому кадетскому корпусу.

По случаю совершения ныне ста лет со времени учреждения в 1813 году в городе Омске Войскового училища, от коего ведет начало Омский кадетский корпус, Всемиловейше жалуем сему корпусу препровожаемое при сем новое знамя с надписями «1813—1913», повелеваем знамя сие, освятив по установлению, употреблять на службу Нам и Отечеству, с верностью и усердием Российскому воинству свойственными».

На подлинной собственной Его Императорского Величества рукою написано «НИКОЛАЙ».

В Царском Селе 1-го мая 1913 года.

Это второе знамя, пожалованное родному корпусу, — первое было пожаловано 12-го ноября 1903 года.

В годы революции и последовавшей за ней гражданской войны, 18-го ноября 1918 года, когда власть в Сибири перешла в руки Адмирала А. В. Колчака, корпус был восстановлен с переименованием в 1-й Сибирский кадетский корпус (сделал один выпуск), остававшийся в Омске до 30 августа 1919 года, когда под тем-же наименованием был эвакуирован в г. Владивосток. Сделав там три выпуска, корпус, в 11 часов утра 25 октября 1922 года покинул Россию и был эвакуирован из Владивостока в Шанхай (Китай), где дал еще два выпуска.

6-го ноября 1924 года корпус был переброшен из Шанхая в Югославию, где и закончил свое существование как самостоятельное отдельное военно-учебное заведение. Все его воспитанники были распределены по уже ранее прибывшим в Югославию с Юга России корпусам: младшие классы попали в Донской корпус, а 7-й класс — в Русский корпус с Сараево.

Этот последний этап жизни 1-го Сибирского Императора Александра I кадетского корпуса коротко описан в последнем приказе по корпусу, отданном его последним Директором, Полковником В. И. Поповым-Азотовым, 1-го февраля 1925 года:

«Дорогие кадеты-Александровцы. Сегодня 1-го февраля 1925 года, воспитывавший вас 1-й Сибирский Императора Александра I кадет-

ский корпус прекращает свое существование.

Как спаянная любовью семья стремится продлить дни находящегося на смертном одре любимого прадеда, так и мы, да будет это нам в утешение, сделали все от нас зависящее, чтобы отдалить на несколько лет оказавшуюся, увы, неизбежной кончину дорогого нам корпуса.

Сохраните же навсегда незапятнанной светлую память об орлином гнезде-питомнике героев, 112 лет дарившем Родине самоотверженно-стойких и безупречно верных работников на всех поприщах Государственного служения.

Запечатлейте, как святыню, в своих юных сердцах вензель А 1, который вы с гордостью носили на погонах, и да останется он для вас навеки эмблемой чести и благородства, которыми как драгоценный бриллиант, блистал Венценосный Рыцарь, Основатель корпуса. Да будет этот вензель, выкованный в жгучем пламени любви к нашей страдалице-Родине, которым, знаю, горят детски-чистые сердца ваши, той ладанкой, которой прадед-корпус благословляет вас на жизненный подвиг. В этой ладанке кристаллизовались священные заветы старины Русской и традиции, которыми корректировали свою жизнь деды и отцы ваши.

Спасибо вам, дорогие сотрудники г. г. офицеры, до конца исполнившие свой долг. Когда наступит радостный день возвращения на Родину, а он, верю, близок, убежден в неминувости, в ряду других, и нашего славного корпуса. Будущий историк страдного периода его существования не забудет увековечить ваши имена.

Пока же не наступил этот вождеденный день, работайте, кадеты, не покладая рук, спешите обогатить ваш ум знаниями, закаляйте вашу волю, приумножайте ваши физические и духовные силы. Помните, что Родина-мать ждет вас, нуждается в вашей помощи. Но нужны ей не слабосильные робкие полужайки, а могучие душой и вооруженные знаниями богатыри.

Только таким по плечу поднять с одра тяжелой затаившейся болезни нашу страдальцу мать. Прочь пошлые, своекорыстные, себялюбивые расчеты, не место им в этом святом деле и не к лицу они Александровцам.

Итак, с Богом родные Александровцы, вперед за работу и да благословит вас Господь».

И. Д. Директора 1-го Сибирского Императора Александра I кадетского корпуса

Полковник Попов-Азотов.

Заканчивая эту короткую памятку о родном нам 1-м Сибирском Императора Александра I кадетском корпусе, я хочу напомнить, нетолько моим однокашникам кадетам-Александровцам, но и бывшим воспитанникам всех остальных Российских кадетских корпусов о том, какое обязательство приняли мы на себя, включившись в эту, одну на всю Великую Россию, кадетскую семью. Хочу напомнить им о том, что хотя по воле Божьей, мы и не получили возможности служить своей Родине-России и Ее Венценосным Государям в рядах славной Императорской Российской Армии до конца своих дней и сейчас обретаемся за границей на правах беженцев-эмигрантов, мы все-же имеем возможность и должны продолжать свое офицерское служение, защищая свою Родину-Россию от клеветы и наветов, которые незаслуженно и очень щедро сыплются на нее со всех сторон. Собирая по крупицам, записывая и публикуя в прессе правду и истину о России, о Ее Государях и о Ее славной Армии, мы тем самым противопоставим чистую правду о России той гнусной лжи и неправде, которые столь щедро предподносятся миру в иностранной прессе угодливыми слугами «настоящего момента».

Честь и хвала Председателю Обще-кадетского объединения во Франции А. А. Герингу, и его сотрудникам, которые, в исключительно тяжелой обстановке, все-же нашли возможным издавать орган «защиты Императорской России и Ее Армии» — «Военную Быль». Они дают и нам возможность выполнить наш долг и от нас самих зависит сделаем мы это или останемся неблагодарными своей школе, учившей нас даже «полагать живот свой за Родину».

Если мы, впитавшие в себя еще в стенах корпуса, идею Великой Национальной России, не скажем о Ней слова защиты и правды, то кто-же сделал это!? В этом заключается наш долг. Этим мы не только оправдаем свое пребывание в стенах родной военной школы, но и стблагодарим ее за то, что она сделала нас русскими, сделала нас людьми верными своему долгу и не уклоняющимися от своих служебных обязанностей.

Слава Родному Корпусу, слава всем Российским кадетским корпусам! Слава их Венценосным Основателям!

Г. С. Челпанов

Члены полковой семьи

«Наш полк — чарующее слово...» все знают это стихотворение нашего незабываемого поэта и воспитателя Великого Князя Константина Константиновича.

Я прибавлю к этому — «наша семья», и это всецело понятно только тому, кто знал старые русские полки, особенно те, которые своей кровью берегли границы родной земли. Только в этих полках можно было встретить те навсегда исчезнувшие типы, о которых я даю этот краткий очерк. Я не пристрастен и далек от мысли приукрашивать и наделять их идеальными качествами. Читатель поймет, что, при всех недостатках каждого, люди эти жили исключительно интересами родного полка и, выйдя в отставку, продолжали быть членами полковой семьи. Всеми прежде всего руководило чувство долга перед Родиной и чувство тесной взаимной дружбы.

1. Анна Михайловна Бухановская. — Ее так и звали — «наша Анна Михайловна». История ее в то время, время войны с горцами, казалась обыкновенной, такие примеры можно найти в романах из кавказской жизни Мордовцева или Немировича-Данченко (Старый Закал, Горе забытой крепости, Горные орлы и т. д.). Ее история — это часть истории полка, при котором она начала свою жизнь.

Окончив один из институтов в России, она, сирота, приехала на житье к своему семейному брату, штабс-капитану Самурского полка Бухановскому, в штаб-квартиру полка, заолустье с крепостью, запирающей выход из гор. Вероятно, начитавшись в институте про Аммалат-Бека и др., она и раньше мечтала об интересной жизни бурного Кавказа, среди схваток с горцами и разных приключений. И вот молоденькая Аня трагически прошла чрез все это.

В 1873 г. началось восстание в Дагестане в связи с назревавшей войной с Турцией. Память о необыкновенном вожде мюридизма Шамиле не заглохла среди горцев, и полчища восставших, вырезавших всех до последнего, осаждали почти все небольшие крепости. Батальоны и даже отдельные роты, идя форсированным маршем, не успевали приходить на помощь осажденным крепостям и постам. Досталось тогда многострадальному кавказскому воину! Сколько их погибло, знала только полковая история. Нам же, очевидно, не суждено будет и знать.

4-й батальон полка, освободив от осаждавших его полчищ горцев гор. Дербент, комендантом крепости которого был мой будущий дед со стороны матери в большом, для того времени, чине майора, получил сведения чрез специальных гонцов о том, что штаб-квартира пол-

ка также подверглась нападению восставших. Гарнизон ее был очень небольшой и состоял главным образом из нестроевых команд под командой штабс-капитана Бухановского. Батальон бросился на выручку своего родного гнезда, форсированным маршем за сутки прошел 53 версты, а последние 20 верст бегом. Штаб-квартира освобождена, район очищен, но жертв много. Среди них штабс-капитан Бухановский, который был зарезан со всей своей семьей на глазах только что прибывшей из института Анички. Как она уцелела — неизвестно, но она осталась сиротой без средств и без всякого жизненного опыта.

Край успокоился, полк вошел в нормальную жизнь. Аничку не бросили, она стала дочерью полка. Ей дали комнату и какое-то пособие. Но она, пережив трагедию, ушла в себя, отказалась от личной жизни и всю свою неизрасходованную любовь и нежность отдала детям. Она занялась учением и воспитанием буквально всех детей полка и не только полка, но и детишек поселенцев, которые жили около полка, и горцев мирных, и горских евреев. Разницы она не делала никакой. Все, что ей приносили, она тратила на детей. Жила она в маленькой комнатухе, но и ту отдала под свою школу, а сама ютилась за занавеской в передней. Я помню ее уже седой старой девой с несколько смешными манерами, одевавшейся старомодно и носящей на голове какую-то чудовищную шляпку, на которой были цветы и овощи всех времен года и, вдобавок, наверху сидела причудливая птица. Но смеяться над ней никто не пытался, слишком добрым ангелом была она для всех детей. Собственно говоря, у нее была не школа, а детский сад. В теплый день и летом Анна Михайловна, окруженная малышами обоего пола с корзинками и паке-тами, как насадка оберегая каждого, спускается, бывало, в большой полковой сад или за речку, и все матери, имея на руках еще грудного, довольны избавиться хотя бы на день от ребенка. Деторождаемость же у семейных офицеров была нормальная в то время, т. е., по 5-6 чел. детей. Как только малыш начинал сам ходить и торчать на улице, то приставал к матери, прося отпустить его к Анне Михайловне. Ничего не помогало и вот, снабдив ребенка запасными штанишками, маленьким ранцем и прочими атрибутами детского учения, отправляли его «учиться» к Анне Михайловне. Бывало, сама просила отпустить к ней поиграть Колечку или Тиночку, а уже оттуда ребенка нельзя было вытянуть. Готовила детей она хорошо — все читали и писали, а для дальнейшего учения —

подготовки в средне-учебное заведение — дети переходили к другой профессиональной учительнице, которая была строга, но ее ученики редко не выдерживали вступительного экзамена. Бывало, войдешь в комнату — класс Анны Михайловны — нет места, но все читают, пишут, потом играют, что-то рассказывают и зашуткают. Все свои скудные заработки, а плата была условлена 1 рубль в месяц, она тратила на детей, никогда ничего не просила и каждому ребенку делала подарок ко дню его рождения или именин. Иная мать, за многочисленностью потомства, забудет, но является Анна Михайловна с подарком и напоминает, что сегодня ее Олечка именинница. Весь зимний сезон она наполняла детскими спектаклями и елками. Выписывала почти всю детскую литературу, вернее, сам полк делал это для нее. Без «Задуманного слова» ни один ребенок у нее не воспитывался. Если почему-либо давно не было детского спектакля, то публика волновалась и спрашивала: «Что же, Анна Михайловна, когда будет спектакль?» Она же была и режиссер и суфлер и администратор импровизированной труппы. По воскресеньям и по праздничным дням Анна Михайловна шла по главной улице, которая, как и в каждом гарнизоне, называлась «офицерской», и собирала детишек в церковь. Бывало, мальш, увидав в окно качающийся огород на шляпе Анны Михайловны, кричит: «Скорее, мама, уже Анна Михайловна пошла, а я еще не готов...» и догонял ее, окруженную толпой детишек. В церкви она ставила всех детей отдельно впереди и учила, как молиться и вести себя в церкви.

О святая женщина, сколько поколений ты довела до институтов и кадетских корпусов! И часто приехавший на каникулы в родные места юнкер или произведенный молодой офицер спешил навестить Анну Михайловну, и та, застенчиво показывая его детворе, говорила: «вот Боречка был маленький-маленький, как и вы все, но учился и стал офицером», причем конфузилась и плакала.

Она была в каждой семье своим человеком, и никто никогда плохо о ней не говорил. Такой она была до конца жизни полка в этом местечке и, когда полк перевели на северный Кавказ, никто не узнал, куда же она делась. Вероятно, ей трудно было расстаться с дорогими могилами, а, может быть, она уехала в Россию к своим дальним родственникам, но о своей личной жизни Анна Михайловна никому не говорила, да вряд ли и была она у нее. Теперь, наверно, нет в живых Анны Михайловны, раз мне, ее питомцу, 70 лет, но думаю, что память о ней до смерти не изгладится у ее учеников. Она заслужила почетное место на военном кладбище полка, но полка нет, нет и кладбища, и то место, где мы родились, место, поли-

тое обильно кровью кавказских воинов, исчезло навек, предварительно превратясь в груды развалин... На его месте появился поселок с чужими людьми, названный нелепым именем «Сергокала».

Мир праху этой замечательной русской женщины!

2. Дедушка Буданов. — Нас малышней, не слушавшихся родителей, пугали словами: «Вот подожди, отдам тебя Буданову. Когда он придет ночью, он посадит тебя в свою бочку и увезет». В какую бочку — мы знали, и читатель ниже узнает также...

Отслужив все положенные сроки и сверхсроки, этот николаевский солдат, шевронист, украшенный «регалями», исколесивший ногами весь Дагестан, очутился в чистой отставке. Куда ему деваться? С родной деревней связь потеряна давно, военная служба не давала времени обзавестись семьей и вот старик приткнулся к родному полку. Ротные плотники сколотили ему в слободке хатенку. Полк давал ему от себя какую-то пенсию, и ему дали «дело». Если бы он был обучен грамоте, то, может быть, имел бы в канцелярии маленькое место, но дед был неграмотен. «Дело», которое ему поручили, было, говоря современным языком — дело начальника санитарной части, попросту, ассенизатора. Дали ему старого мерина, также участника походов, который, как стал на ноги, так и стоял неподвижно, пока его уговорами не потянули куда нужно; дали большую бочку и прерогатив власти — большой черпак. Да простит меня читатель за неэстетическую сторону рассказа. Старик работал, конечно, только ночью и не было ему отбоя от клиентов. Какие-то денежки сыпались ему в карман, и он был очень доволен своей участью, но к старику иногда невозможно было подойти — не его вина была в этом.

Это — его служба, его будничная жизнь. Другая же жизнь начиналась под праздники, которые он свято чтит, ибо был очень набожен. В субботу вечером и в воскресенье утром, чисто одетый, в стареньком мундире, увешанном медалями, среди которых была медаль за взятие Гуниба, дедушка Буданов шел в полковую церковь нарочно по главной улице.

В церкви он — свой человек и величина — стоял возле клироса и подпевал, потом в сопровождении другого отставного солдата, старика Коломейцева, обходил молящихся с кружкой, собирая пожертвования, и низко кланяясь каждому, говорил: «Спаси вас Христос и Царица Небесная». Собирал свечи и уходил последним. Идя мимо гауптвахты, перед которой после церковной службы всегда сидели офицеры полка, главным образом старые и охотники, дедушка останавливался, становился во фронт и

здоровался: «Здравия желаю, Ваше Высочество». С ним долго разговаривали и спрашивали: «Ну что, дед, и сегодня напьешься?» На что старик отвечал: «Как же можно без того, ведь нонче ограмаднейший праздник», и шел дальше, козыряя всем и становясь во фронт перед теми кому полагалось. Привычка, вкоренившаяся по самую смерть. Но вот день кончается. Вдруг дикий топот солдатских кованых сапог и появляется фигура нашего деда, качающегося от одной стороны улицы к другой. Ежеминутно останавливаясь, дед здоровается с невидимыми батальонами и ротами. — «Здорово, славные самурцы!» — «Спасибо за службу!» И сам за всех отвечает и командует себе: «Шагом марш!»

Все детишки выскакивают на улицу смотреть на парад Буданова, но не смеют смеяться над ним, так как он был грозой для непослушных малышей; они были уверены, что он, действительно, может каждого посадить в свою страшную бочку и увезти далеко от папы и мамы.

Так жил, вернее, кончал жить этот незаметный герой Кавказа. Как-то, отчего неизвестно, вероятно от общей старости деда, его бочки и мерина, бочка лопнула, и все наше местечко надолго было отравлено.

Я уже был не дома, а в корпусе, когда дедушка Буданов исчез с горизонта и перешел на военное кладбище. В детстве мы любили посещать это кладбище, знали, кто где похоронен, и помнили почти всех известных героев полка, имена коих записаны в книгу «История 83 пехотного Самурского полка».

3. Капитан Васильев. — Отчего он был такой толстый? — Ломали мы себе голову, и на-

ша мама, которой мы задавали этот глупый вопрос, отмахивалась от нас. Ведь походная жизнь ротного командира не располагала к полноте. Может быть, в молодости он был другим, тонким, стройным, но мы помнили его всегда высоким, толстым и на коротких ножках. Когда его рота шла походом, он сбоку трусил на маленькой линейке. Но он был знаменит не толщиной, а способностью легко танцевать мазурку. Никто лучше его не мог ее протанцевать. Несмотря на толщину, легкость его движений была особенной. Когда под конец танцевального вечера в полковом собрании, заказывали мазурку, то молодежь входила в картонную комнату и вытаскивала из-за стола игравшего в винт Васильева. Он выбирал себе даму под стать, не молодую, не худую, но не громоздкую. На эту пару все сходились посмотреть, а молодежь поучиться, даже гуляющие на бульваре бежали, зная, что не всегда увидишь такое зрелище. Особенно легко Васильев выкидывал свою ножку и становился на колено. Шпор у него не было, не было и шума, все бесшумно и грациозно. Как очарованные, все смотрели на танцующих, стараясь не пропустить ни одного па. Заморив даму и поцеловав ручку, Васильев шел в буфет выпить рюмку водки и опять садился играть в винт до утра.

Одно обстоятельство смущало нас детей, а именно то, что его крестники — дети другого капитана, находившегося уже в отставке, были удивительно похожи на него, крестного отца. Когда мы выросли, то поняли это «странное явление». Но все это не мешало жить всем в дружбе, без драм и без дуэлей. Все это были пустишки...

(Окончание следует)

Б. Кузнецов

Переход через Байкал

Переход через район Тулуна и Черемхово, перешедших на сторону красных еще в конце декабря 1919 г., совершался в чрезвычайно тяжелых условиях. Частям Сибирской армии буквально приходилось пробивать себе дорогу на восток. Каждая стоянка для отдыха, каждый ночлег добывались с боя, который приходилось вести головным частям колонны. Разбитые белыми авангардными частями красные не уходили назад, а рассеивались и снова нападали на сзади идущие части; везде был фронт, не было простой возможности спокойно отдох-

нуть после тяжелого перехода в суровую сибирскую зиму.

Шли несколькими колоннами, причем кавалерия обычно двигалась проселочными дорогами, к северу и к югу от «большого сибирского пути», по которому шла пехота и санитарные обозы. Разбитые на главном тракте красные, откатившись в стороны, неизменно встречались с белыми кавалерийскими колоннами. «2-я батарея» (3-й взвод Офицерской роты) поочередно с другими взводами сотен и полков, составлявших Сибирскую каз. бригаду, то

шла в голове колонны, как разведка, то несла сторожевое охранение на местах ночлегов. Наряды эти бывали почти ежедневно и окончательно выматывали людей и лошадей.

Кажется 9-го февраля 1920 года, Сибирская казачья бригада еще до полудня вышла на «большак» и вошла в огромное село (Усолжье?). После ночного перехода каждый предвкушал заслуженный отдых, тем более, что село прямо кишело частями и обозами (трудно было в то время отличить, где кончалась воинская часть и начинался обоз), то-есть была полная возможность, хоть на некоторое время, не попасть в наряд и спокойно отдохнуть раздетым.

Однако, эти ожидания не оправдались: только успели задать корм лошадям и сами уселись за неприхотливую, наскоро приготовленную, но горячую еду, как ординарец из штаба привез приказание — через 2-3 часа готовиться к выступлению под Иркутск.

К Иркутску шли ускоренным маршем, почти не делая привалов, иногда шли даже рысью и к вечеру подошли к ст. Иннокентьевка (верстах в 7 от Иркутска). Мы не знали в то время, что адмирал Колчак был передан «союзниками» в руки красных и уже расстрелян в Иркутске дня за два до этого (7-го февраля).

В Иннокентьевке опять было объявлено, что это только лишь привал и что через несколько часов мы выступаем дальше. Снова спешно кормили измученных лошадей, а сами старались тоже хоть немного отдохнуть, лежа на полу своей хаты. Кто-то приходил к нам и мы слышали сквозь дремоту, что на станционном складе можно получить одеяла и даже кое-какое обмундирование и белье; но даже и это, столь заманчивое, приглашение мало трогало нас, так как усталость брала свое: отдых был дороже всех прочих земных благ.

Уже в темноте выступили из Иннокентьевки и двинулись вдоль полотна железной дороги по направлению к Иркутску. Вдали мелькали огни большого города, но неприветливо было это мигание, ведь город был в руках красных. То и дело на железно-дорожном полотне встречались чешские бронепоезда, прислуга которых находилась на своих «боевых» постах и недружелюбно смотрела на проходившую колонну белых бойцов. Их орудия и пулеметы были направлены в нашу сторону. Почему? Как нам пояснили потом, между «союзниками» и красным иркутским правительством было заключено временное соглашение, по которому нам было предоставлено право «пройти мимо Иркутска, не заходя в него». По этому соглашению каждая сторона, открывшая огонь, будь-то белые или красные, должна была немедленно попасть под огонь «братушек» и их бронепоездов.

Проходим Глазковское предместье. Вот и

мост через Ангару, столь знакомый мне за время моего учения в Иркутске (в Оренбургском военном училище) всего лишь год тому назад. Приказано не курить и не останавливаться. Идем, как автоматы, не только потому, что безумно устали и мы, и наши кони, но гнетет еще и мысль: почему мы не заходим в Иркутск?, почему мы его не берем, а идем по его окраине, не имея права даже курить и останавливаться?

Еще два часа непрерывного движения. Идем уже по какой-то глухой проселочной дороге, кругом непроходимая тайга. Чтобы не заснуть, большую часть пути идем пешком, хотя ноги уже почти отказываются двигаться. Вдруг впереди послышалось несколько винтовых выстрелов. Колонна остановилась, сна как не бывало. Но остановка была очень кратковременной, через несколько минут движение возобновилось и мы увидели причину остановки: 3-4 мертвых красных, повидимому, их разведка или дозор, следивший за нами, неосторожно обнаруживший себя... Расчет короткий: обмен выстрелами и более сильный двигается дальше, не обращая внимания на трупы убитых.

Уже на рассвете вышли мы на Ангару, где-то у ст. Михалево. Здесь год тому назад, на полигоне, еще юнкером артиллерийского училища, я проходил выпускную стрельбу из орудий. Тогда мы были полны надежд на счастливое будущее, рассчитывали на скорую победу над красными и на восстановление прежней великой и могучей России. Сейчас, на рассвете 10-го февраля 1920 года, мы входим в это небольшое селение усталыми, измученными, полу-изгнанниками своей Родины, так как после позорного «обхода» Иркутска, без права постоять за себя на своей земле, мы иначе и не могли себя рассматривать. Колонна остановилась. Объявлено, что будем кормить лошадей и отдыхать до полудня.

«Будем кормить». А чем? На это нам ответить не могли. Клочки соломы и сенная труха, добытые в деревушке, и овес, запасенный еще в Иннокентьевке, до некоторой степени разрешили этот вопрос. Сами разбрелись кто-куда, стараясь найти теплый угол. Маленькая деревушка не могла вместить нас всех, поэтому на улицах зажгли костры, около которых грелись промерзшие люди. Офицеры «2-ой батареи» сумели забраться на какую-то небольшую баржу, «зимовавшую» во льду Ангары у этой деревушки. Без особой охоты обитатели баржи, угрюмо косясь на наше оружие, сварили нам картошки и, когда голодные непрощенные гости набросились на эту неприхотливую еду, они услышали впервые красную «агитку»: «куда идете, товарищи?» — «зачем», — «ведь дальше будет еще хуже», «утонете или померзнете на Ангаре». «А дальше — Байкал, куда пойдете?» «Оставайтесь с нами, мы вас прокормим до вес-

ны, а весной будете работать с нами на барже».

То ли неожиданность такого разговора, то ли подсознательное чувство благодарности к этим людям, накормившим и обогревшим нас после тяжелого, более чем стоверстного перехода, то ли простая усталость явились результатом того, что хозяева наши остались целы и невредимы, а мы успели поспать часа 2-3, до нового приказа выйти дальше. Но на наше место уже входили новые постояльцы, а мы двинулись вдоль Ангары к Байкалу. Где-то переходили через эту реку, шли по льду, нередко покрытому водой, так как быстрая река местами не застыла, несмотря на сильнейшие морозы, и из этих незаастывших «ям» шел морозный пар. В ушах все еще звучали слова наших «михалевских» хозяев — «замерзнете или утонете в Ангаре, а дальше — Байкал загородит вам дорогу». Можно было, действительно, утонуть в Ангаре, провалившись в какую-нибудь полынью, но мы не утонули и под вечер вошли в Листвиничную на берегу Байкала.

Стемнело быстро. Едва успели задать скудный корм лошадям, как наступила темная ночь. Мы замертво легли спать по избам. «В желудке были одни незабудки», как живописует русская поговорка, но даже простая возможность спать «в избе», хотя и с пустым желудком, была большим утешением.

Проспали всю ночь. Рано утром получили от сотенного артельщика и фуражера очень скромные порции сена для лошадей и немного гречневой крупы для себя, а из штаба получили предупреждение, что около полудня выступаем на север, вдоль берега Байкала и что «там» никакого фуража и продуктов мы не найдем: «запасайтесь здесь». Где запасаться и как? В приказании по этому пункту никаких указаний не было, а артельщик и фуражир объявили, что достать ничего и ни за какие деньги нельзя. Потуже подтянул свой пояс и со вздохом положил в перемтные сумы свою порцию гречневой крупы, оставив ее для лошадей: ей предстояла работа везти меня дальше... в неизвестность.

Шли до позднего вечера вдоль берега озера по избитой, проселочной дороге. «Красавец Байкал!» А я его и не заметил, хотя и шел в течение полдня по его берегу: мысли были где-то там... впереди, в близком уже неизвестном. Что там ожидало меня? Куда мы идем? Почему сошли с «большака» и идем проселком? Снова невольно вспомнились слова «михалевцев»: «а там Байкал загородит вам дорогу, куда пойдете?» Вот и загородил дорогу и пошли мы по его берегу туда, куда вело нас «начальство».

Не буду идеализировать, да теперь и не помню, что нас в то время толкало двигаться все дальше и дальше, даже не зная куда. Думаю, что чувство самосохранения и стадности играло в то время немалую роль: остановись — и

ты в руках красных, а раз передние идут, значит — есть еще какой-то выход.

Ночью вошли в Голоустное. В утренние часы мы рассмотрели эту небольшую, бедную рыбацкую деревушку, но в ту ночь мы ее не видели: ведь электрического освещения на улице этой, забытой Богом и людьми, деревеньки не было, а кругом шумела мрачная, непроходимая тайга, да слышался гул ломавшегося байкальского льда.

«2-ой батарее» все же посчастливилось: всунулись в какую-то избу, где, не раздеваясь, улеглись вповалку на полу, вплотную друг к другу. Лошадей кормить не было надобности, так как кормить их было нечем, и наши четвероногие друзья и помощники, согнувшись в дугу, тряслись на морозе, хотя и прикрытые всяким тряпьем и одеялами, имея «на ужин» лишь пригоршни гнилой соломы и камыша, которые сумели найти в Листвянке и привезли с собой их заботливые хозяева.

Несколько часов не сна, а тревожной дремоты, и наступило утро. Никто не будит нас, не торопит. Мы сами выскакиваем наружу в поисках хоть какого-нибудь фуража для своих лошадей. Снова клочки полугнилой соломы и камыша с крыш изб и бань и моя «железная» порция гречневой крупы несколько подбодрили моего друга-коня. Из штаба передают: осмотрите лошадей, главным образом подковы, перед обедом выступаем... через Байкал, куда ночью уже двинулись передовые части. Осмотреть подковы нетрудно, но исправить обнаруженные недочеты невозможно, так как своей кузницы нет, нет и запасных подков.

Еще в Листвянке мы оставили своих тяжело-больных раненых, так как брать их с собой в этот переход через Байкал было невозможно. Остались там и те, кто не нашел в себе больше сил и воли идти «в неизвестность», и притом с риском погибнуть от мороза на льду озера или в одной из его трещин, может быть, от пули красного врага, который мог ожидать нас на том берегу.

С опустошенной недавно пережитыми событиями душой, с жутко-щемящим страхом смерти вступили мы на лед озера Байкал еще до обеда 12-го февраля 1920 года. Это было «еще до обеда» в смысле определения времени, в прямом же смысле слова мы тронулись в поход даже «до завтрака», так как не имели утреннего чая, а на обед у нас тоже не было ни крошки съестных продуктов. Там, по ту сторону Байкала, мы могли ожидать пищи и пристанища или-же смерти, другого выбора не было.

Дороги нет, идем по жалким останкам следов от копыт и полозьев саней головной колонны, вышедшей в поход еще ночью. Где они сейчас, что с ними? Ветер гонит снежную пыль,

заметая эти следы, но вскоре мы и без них можем точно определить направление, так как то и дело попадают брошенные сани со скарбом, мертвые трупы лошадей и людей, не выдержавших перехода. Они, как вехи, указывают нам путь. Куда? К весьма сомнительному пристанищу или смерти? Этот вопрос нас только и интересует. Большую часть пути приходится идти пешком, так как усталые, полуголодные кони сами едва передвигают ноги по скользкому льду. Садиться на коня можно только лишь на занесенных снегом «плешинках» и то с соблюдением величайших предосторожностей, чтобы лошадь не поскользнулась и не упала, а сил и у самих уже почти не оставалось. Бесперывно дующий ветер насквозь пронизывает изношенное обмундирование и на коне долго не просидишь, опять ищешь подходящее место и слезаешь с коня, стараясь на ходу хоть немного разогреться.

Впереди ничего не видно, кроме ровной гладь, казалось, — бесконечного озера. Невольно оглядываешься назад. Там, вдали, чернеют уже еле видной полоской Голоустное и прилегающая к нему тайга и горы. Они все дальше и дальше отодвигаются от нас.

Мертвые «вехи» попадают все чаще и чаще. Часто слышны и громopodobные раскаты, вначале пугавшие нас: это ломался Байкальский лед, открывая трещины-пропасти, которые иногда тотчас же, а иногда немного позднее, начинали снова сходить, захватывая в свои мертвые объятия все, что не успело выскочить из них. Через незакрывшиеся трещины проходим по каким-то доскам, повидимому, оставленным головной колонной или имевшимся в голове нашей колонны. Попадают сани и лошади, зажатые в подобных трещинах, и мы сами каждую минуту ждем, что вот-вот раскроется бездна и под нашими ногами, увлекая нас под лед, который немедленно покроет нашу ледяную могилу.

Шли молча, сосредоточенно, не обращая внимания ни на что, кроме своего коня. Это было шествие обреченных на смерть людей, в сердцах которых только чуть теплилась искра надежды: а вдруг удастся перейти Байкал и найти убежище на том берегу!? Скрылось Голоустное. Теперь уже кругом, куда только хватает глаз, до самого горизонта, видна гладь холодного, мертвого льда. Шли целый день, не останавливаясь для привала. Наступили сумерки, а мы все еще не видели конца нашего перехода. Бесперывная цепь черных «мертвых вех» продолжала показывать нам путь. Шли «по инерции», напряженно вглядываясь усталыми глазами вперед, в ночную тьму. Ничего не видно. Попрежнему бухает ломающийся лед, попрежнему дует холодный ветер, но мы уже «вмерзли» и ко всему относимся безразлично.

Вдруг впереди послышались какие-то выкрики. Невольно прислушиваемся к ним: «огоньки, огоньки». Напрягаем зрение и, действительно, различаем где-то далеко-далеко слабые мерцающие огоньки. Значит, приближаемся к противоположному берегу озера-моря. Колонна даже как-то оживилась, казалось, и лошади заметили эти мерцающие огоньки и быстрее зашевелили усталыми ногами. Изредка слышались разговоры, но «черные мертвые вехи» попадавшиеся все чаще и чаще, упорно напоминали нам, что еще не окончен наш крестный путь и мы можем не дотянуть до этих огоньков. Огоньки мелькают уже довольно отчетливо и их появляется все больше и больше. Не отрывая от них уставших глаз, мы шли еще добрых два-три часа, теперь уже задумываясь о другом: что нас ждет там, у этих огоньков. Будет ли это дружеская встреча или последний, неравный бой, принимая во внимание нашу полную измученность и непригодность к принятию этого боя.

Колонна снова затихла. Огоньки неожиданно исчезли. Что это такое? Неужели нам только казалось, что мы видим огоньки жилищ, а это был мираж? Но вот скрытые от нас сугробами снега, наметенными около берега озера непрерывными ветрами, замелькали они уже совсем-совсем близко. Еще несколько минут движения и... перед нами освещенные окна домов, слышен лай собак, чувствуется запах дыма. В голове колонны слышны выкрики, слышатся даже какие-то команды. Слышим и мы команду: «Офицерская сотня, ко мне!» Стрельбы не слышно. Значит нас встречают друзья. Поспешно насколько позволяют силы коня, двигаемся на голос командира сотни. Какие-то квартирьеры ведут нас по квартирам. Еще несколько минут движения по селу и мы во дворе своей «квартиры».

Разместились без скученности, ибо пришедшая раньше нас головная колонна, вступившая в Мысовую двенадцать часов тому назад, уже вышла из села и разместилась в соседних поселках, освободив для нас столь необходимое нам тепло и заготовив для нас фураж и продукты питания. Быстро получили корм для лошадей и... в теплую хату. Приветливая хозяйка уже вскипятила самовар, на столе жареная рыба, картошка, хлеб: все то, чего мы так давно не видели; все то, о чем мы могли лишь только мечтать во время движения в обход Иркутска и дальше по Ангаре и на Байкале. Кто-то где-то узнал, что на станции стоит даже бронепоезд японцев. Чувство полного покоя и безопасности охватило нас, оттаяло промерзшее на морозе тело и, благодаря в душе Господа Бога за дарованное нам чудесное спасение, мы легли спать в теплой избе и... даже раздетыми, не выставя охранения. Через не-

сколько минут все спали мертвым сном.

Уже по привычке, проснулись рано утром. Сразу же сытная кормежка для лошадей и вкусный горячий завтрак для нас. Хорошо отдохнувши за ночь, мы вспоминали, как кошмарный сон, только что закончившийся переход через Байкал. Кто-то даже успел сбегать на станцию и подтвердил, что там стоит японский бронепоезд. Казалось, что мы были в полной безопасности: ведь попрежнему гулко ломавшийся лед Байкала отделял нас своей содрокающей полосой от преследовавших нас красных, а рядом «под боком», если не союзник, то все же и не враги — японцы и эшелоны чехов, поляков и сербов, двигавшихся по Кругобайкальской железной дороге. Мы уже строили планы, как, дойдя до Читы, остатки нашей армии будут снова приведены в порядок, и мы сможем возобновить вооруженную борьбу с красными.

Как мы ошибались, не зная действительной обстановки...

В тот момент мы еще не знали, что части Атамана Семенова сидели в Забайкалье под крылышком японцев, в районе Читы, но не могли уходить и на сотню верст в сторону Байкала, так как район этот кишел красными партизанами и нас ожидали уже почти на следующий день «Кабанье» и другие села и деревни разбросанные во все стороны от железной дороги, через которые нам пришлось «пробивать» себе дорогу к Чите.

Сравнительно безопасна была лишь линия железной дороги, по которой двигались на восток бесконечные эшелоны «интервентов», увозившие с собой из России награбленное ими русское добро. Они шли во Владивосток, а оттуда.. к себе на Родину. Мы для них были чужие, и наши нужды их не трогали.

Прекрасно одетые в форму, сшитую из нашего русского сукна, сытые и лоснящиеся от довольства и «легкой жизни», они пожирали массу самых разнообразных и лучших по качеству продуктов, если и купленных, то на на-

ши же русские деньги, изъятые ими из наших банков и казначейств. В конских вагонах кавалерийских и артиллерийских частей лениво жевали русское сено и овес сытые, закармливаемые наши — русские лошади. На вагонах-площадках стояли наши — русские орудия и обозные повозки, а в вагонах-теплушках, прекрасно оборудованных, с беспрерывно-топившимися печами, с комфортом размещались «братушки» и проч., вооруженные нашими — русскими винтовками, пулеметами и револьверами.

Они чувствовали себя и держали себя, как хозяева, а мы — русские — настоящие хозяева России, в это время плелись вдоль линии железной дороги в оборванном, прожженном обмундировании, заедаемые вшами, полуголодные, ведя в поводу «подобие лошадей», деливших с нами общее горе на голодном пайке. Наши раненые и больные домерзали, валяясь на санях обоза, прикрытые всяким тряпьем, но мы не имели возможности поместить их в санитарный поезд по той простой причине, что таких поездов у нас не было: весь подвижной состав и паровозы были в руках «интервентов».

Захватив в свои руки подвижной железнодорожный состав, «братушки» добились Белую Армию Сибири и внесли в нее дезорганизацию. Они ограбили Россию, они предали в руки красных Верховного Правителя, адмирала Колчака, они заставили нас идти походом в суровую сибирскую зиму целые тысячи верст, неся бесчисленные жертвы убитыми, ранеными обмороженными. Они явились одной из причин провала вооруженной белой борьбы в Сибири.

Но «Бог правду видит, хоть и нескоро скажет», говорит русская поговорка, а другая добавляет — «отольются волку овечьи слезки», и чешское предательство 1919-го года через двадцать лет было отомщено, хотя и чужими, не русскими руками, и они пережили такой же кошмар, какой они создали нам на нашей Родине.

Е. М. Красноусов.

Из войны 1914-1917 г. г.

Черты подлинного русского геройства.

При объявлении мобилизации 1914 года судьба сыграла со мною плохую шутку. Из г. Орла, где я был начальником 2-ой Отдельной Кавалерийской бригады (полки: 17-й гус. Черниговский и 18-й Нежинский), мне, по мобилизационному наряду, пришлось пропутешествовать в г. Екатеринодар для формирования 2-й Кубанской казачьей дивизии. По приезде туда выяснилось, что «произошла ошибка», и я должен возвратиться к своей бригаде, которая уже находилась на нашей границе с Австро-Венгрией, в районе южнее гор. Грубешова.

Это удивительное двухнедельное путешествие ¹⁾ через всю центральную и южную Россию, охваченную мобилизационной горячкой, заставило меня с головой окунуться в совершенно необычайный, ни с чем несравнимый, стихийный подъем, охвативший тогда всю Россию. Он заразил нас всех и наложил свой отпечаток на все наши военные действия первых месяцев войны. За счет этого подъема, так ярко вскрывшего всю бездонную глубину 1000-летней души нашего русского народа, мы живем и по сей день.

После всевозможных мытарств и долгих поисков моей бригады, я вновь вступил в командование ею 1-го августа (все даты по ст. ст.) накануне весьма серьезной и ответственной операции ²⁾, где она должна была принять участие вместе с 3-й Отд. Кав. бригадой (полки: 16-й ул. Новоархангельский и 17-й ул. Новомиргородский), с которой она составила «Сводную Кавалер. дивизию генерал-майора Ванновского (Сергея).

После разрушения важного железно-дорожного узла **Рава-Русска**, 6-го августа, на рассвете, нами был взорван самый большой железно-дорожный мост у **Камионки-Струмиловой**. Теперь нужно было, не теряя времени, собрать все отдельно действовавшие части, многочисленные команды специального назначения и разъезды и уходить по добру по здорову, так как противник (2-я Авст.-Венг. Кавал. дивизия и 2 отряда егерей) начал нас окружать, чтобы не выпустить из лесисто-болотистого района, в котором действовала дивизия.

Но это оказалось не так просто. Вывод частей, участвовавших во взрыве моста, был за-

держан огнем противника из 2-х-этажной каменной казармы, окруженной палисадом. Попытка овладеть ею нахрапом — не удалась. Генерал Ванновский был смертельно ранен, а командир Нежинского гусарского полка полковник Витковский — убит.

Получив донесение о положении дела, я выехал на место боя. Меня сопровождал трубач 17-го гусарского Черниговского полка унтер-офицер Иван Гороховец, с которым я, с этого рокового дня, никогда больше не расставался. И для него, и для меня это было наше первое серьезное боевое крещение.

Под укрытием железно-дорожного полотна мы спешили, передали лошадей одному из бывших здесь гусар и выползли на полотно железной дороги, с которого ясно можно было разглядеть в бинокль положение наших частей, атаковавших казарму. Редкие цепи улан и гусар лежали, прижавшись вплотную к палисаду. На каждую попытку двинуться вперед или назад сыпались ружейные пули из бойниц палисада и окон обоих этажей. Офицеры полком пробирались между кочанами капусты, чтобы вытащить стрелков, находившихся впереди. А время все уходило и каждая потерянная минута ухудшала общее положение дивизиона.

Я вызвал конно пулеметную команду 2-ой бригады и приказал начать обстрел окон и бойниц казармы, а трубачу Ивану Гороховцу трубить сигнал «назад».

Услышав сигнал, наши цепи начали отходить. Австрийцы открыли бошечный огонь, но наши пулеметы заставили их замолчать. Скоро между нами и нашим противником установился неписанный договор: пока ты молчишь, и мы тебя трогать не будем; но на каждую твою пулю, ты получишь несколько десятков наших. В силу этого договора все участники боя были благополучно выведены и присоединены к своим частям.

Меня поразил Гороховец. Точно он был не на войне, а на маневрах мирного времени. Для подачи сигнала он выходил на насыпь, становился в традиционную ухарскую позу трубача, с трубой задранной кверху и левой на бедре и отчетливо трубил сигнал за сигналом. После второго раза он обернулся ко мне и спросил: «Ваше Превосходительство, отчего это, каждый раз, как я прикладываю трубу к губам, мне кажется, что пуля влетит мне в рот?» Не потому ли он и держал трубу поднятой квер-

¹⁾ Было мною описано в Белградском «Русском Голосе» в 1939 г.

²⁾ Операция эта подробно мною описана в Югославянском Кавалер. Журнале: «Коньички Гласник». Кн. III и IV, 1930.

ху, чтобы она, своим раструбом не собирала всех летавших вокруг него пуль? Я ему ответил что-то вроде: «А чего ей, дуре, тебе в рот лезть? Разве ей мало места кругом?... Труби с Богом!»

В тот же день, в самый разгар солнечного затмения, Гороховцу пришлось еще раз трубить сигнал «сбор», но уже в иной обстановке, когда окруженная со всех сторон дивизия, в конном строю, шла на прорыв из неприятельского кольца. Этот сигнал дал возможность собрать дивизию, растянувшуюся на забитых лесных дорогах, по которым передача приказаний через ординарцев оказалась невозможной.

За все мое 9-месячное командование кавалерийскими соединениями мне никогда больше не пришлось прибегать к сигналам.

**

Прошло три месяца непрерывных боев и передвижений. После вторичного нашего перехода через р. Сан и преследования отходившей Авст.-Венг. армии, Сводный кавалерийский корпус (Сводная кавалерийская и 3-я Донская казачья дивизия) занял 8-го ноября город **Новый Сандец**, а 10-го выбил из **Старого Сандеца** аррьергард австрийцев, прикрывавший отход в Карпатские ущелья главных сил противника. В нашу задачу не входило преследование далеко на юг и поэтому части, выбившие австрийцев из Ст. Сандеца, пройдя через город, остановились у его южной окраины и продолжали преследовать отходящего противника огнем. Был очень холодный день с ледяным ветром. Резервы укрылись по дворам. На главной улице стоял взвод конно-пулеметной команды с пулеметами на двуколках. Прислуга понемногу разбрелась, оставив при запряжках по одному ездовому. Австрийцы отходили, отстреливаясь, и время от времени бросали в город свои гранаты с характерным бело-розовым димком при разрыве. Ничего ни серьезного, ни интересного день не обещал. Начальники всех степеней сидели на балконе школы и мирно беседовали. Внизу лестницы сидел Гороховец, держа в поводу мою и свою лошадь.

Неожиданно все переменялось...

Шальная граната разорвалась позади самого пулеметного взвода. Лошади шарахнулись, сбили с ног державшего передний унос ездового и полным ходом понеслись по улице в сторону противника. Все обомлели. Ни одной команды, ни одного распоряжения не было дано, а обе запряжки, с пулеметами, неслись к противнику и были от него не дальше 800-1000 шагов... Никто не заметил, как Гороховец, бросив моего коня, вскочил на своего и пустил его полным ходом вслед за пулеметами. Обогнав их, стал впереди первой запряжки и некоторое время продолжал идти, не убавляя хода, к противнику.

Не доходя, примерно, 400-500 шагов, он начал медленно заходить налево кругом; за ним пошла вся колонна.

Через несколько минут Гороховец, уже спокойной рысью, привел пулеметы назад, не потеряв ни одной лошади и сохранив в целости и невредимости оба пулемета. Все произошло так молниеносно, что даже австрийцы опомнились и открыли сильный огонь только тогда, когда все уже было кончено.

Гороховец, взволнованный и сконфуженный, не знал куда деваться от благодарностей и похвал, которые сыпались на него со всех сторон. Он как будто не сознавал, что все это сделал именно он — Гороховец... Никогда он не мог передать своих внутренних переживаний: как вселилась в него такая счастливая мысль, а в особенности — мгновенная решимость, не знавшая ни сомнений, ни колебаний...

Я часто рассказывал в наших офицерских беседах об описанном случае с пулеметами и задавал вопрос — как поступили бы слушатели в подобном случае? Ни разу я не получил ни одного удовлетворительного ответа. Только артиллеристы предлагали расстрелять беглым огнем лошадей, а потом, ночью, в темноте, вывезти пулеметы, но шансы спасти пулеметы были минимальные и даже самая возможность расстрела лошадей была весьма гадательна, так как при системе стрельбы с закрытых позиций, по указаниям наблюдателя, все внимание которого обращено на действия противника, несущаяся с нашей стороны к противнику запряжка могла быть взята под огонь только перед самым носом противника, то-есть слишком поздно, чтобы можно было спасти пулеметы.

Гороховец, несомненно, мог бы взять патент на свое изобретение.

В ожидании такового, он вечером того же дня приказом по Сводно-Кавалерийскому корпусу был награжден Георгиевским крестом 4-ой степени.

**

В апреле 1915 года я был назначен командиром IX корпуса и с большим сожалением расстался с моим верным стремянным, не чая его больше видеть. Но судьба решила иначе.

В конце того же года готовился первый большой прорыв укрепленной неприятельской позиции на Юго-Западном фронте, на р. Стрипе. Для преследования противника, в случае удачи, была собрана под моим начальством внушительная масса из 4-х кавалерийских дивизий: (9-я, 12-я, Кавказская и Сводная; полки Л. гв. Уланский Его Величества, Гродненский гусарский и Заамурская конная бригада).

Прорыв фронта не удался. Операция была отменена, кавалерийский корпус был расфор-

мирован, и я, не солоно хлебавши, возвращался в свой IX-й армейский корпус, стоявший на фронте, в районе Минска.

На станции Казатин я сел ужинать в ресторане. Ко мне подошел швейцар и сказал, что на платформе построились солдаты из проходившего эшелона и просят меня к ним выйти. Я вышел. Раздалась команда: «смирно, глаза направо». Ко мне подошел Гороховец и отрапортовал: «Ваше Превосходительство, гусары, уланы и артиллеристы 16-ой кавалерийской дивизии*) едут в отпуск к себе домой. Мы узнали, что вы находитесь на станции и хотели с вами поздороваться...» Мы обнялись с Гороховцем как старые, закадычные друзья. После дружного ответа на мое приветствие они меня обступили со всех сторон и начали, захлебываясь, наперебой, рассказывать через какие мытарства они прошли после того, как мы расстались, Среди них оказалось несколько солдат других частей, которые раньше меня и в глаза не видели, но, тем не мене, не знали, как высказать свое внимание.

Воинский поезд готовился к отходу. Наше свидание пришлось прекратить, но на меня оно произвело впечатление, которое не изгладилось и до сего дня...

Всякая кавалерийская операция сколько-нибудь широкого размера, в особенности имеющая характер «набега» (поиска), складывается из большого числа специальных предприятий, в которых фрезвычайно важную, хотя и невидную, роль исполняют отдельные чины и мелкие партии, выполняющие на свой страх и риск весьма ответственные задачи, имеющие громадное значение для успеха главной операции.

Какая невероятная сила духа, какое самоотвержение, выносливость, находчивость, бесстрашие и чисто-звериная способность ориентироваться в местности нужны всаднику, везущему донесение из разъезда в штаб Отряда, иногда за несколько десятков верст, среди враждебного иностранного населения, при невозможности пользоваться населенными пунктами для отдыха, разыскивая дорогу в луч-

шем случае по весьма примитивному наброску карандашом на клочке бумажки, за которую ему грозит быть захваченным в плен. И все это при условии, что сам штаб уже не находится там, откуда был выслан разъезд, а переместился в неизвестном направлении. И, несмотря на все эти, казалось бы, непреодолимые трудности, донесения приходили по назначению с поразительной регулярностью и случаи их пропажи были чрезвычайно редки. Поэтому, чрезвычайное впечатление произвела пропажа, в ноябре 1914 года, во время операции под Краковым, целого разведывательного эскадрона 17 уланского полка, из которого вернулись только около 20 улан. Этот случай долго оставался загадкой, пока о нем не рассказал, в начал 30-ых годов, маршал Пилсудский в своей книге «Mes premiers combats». Но об этом эпизоде когда-нибудь в другой раз.

Не менее трудна была работа и маленьких партий особого назначения (разрушение железных дорог, порча телеграфных линий, служба связи, всевозможные нападения, фуражировки и т. п.), которые в большинстве случаев разрешались самолично, по своему разумению, и хитростью их начальников, знавших, что ни на какую помощь они рассчитывать не могут.

Все это приводило к проявлению героизма, совершенно изумительного, но о котором громадное большинство исполнителей сами даже и рассказать не умели и смотрели на него, как на что-то вполне естественное, само-собою разумеющееся...

При настойчивых расспросах, всегда выяснялось главное качество всех действий этих бесчисленных героев: это — крайняя, солдатская **простота приема**, которым они пользовались; **находчивость**, за которую чувствовался какой-то очень большой, многовековой опыт борьбы за существование, по наследству передававшийся из поколения в поколение, глубоко лежащий в **подсознании** и сам собою выходящий наружу в минуты крайнего волевого напряжения; **необычайная скромность** и полное отсутствие бахвальства. И над всем этим, никогда ясно не выражаемая словами, всегдашняя **забота об интересах общего дела**, глубокое сознание важности той задачи, которая была на него возложена.

А. Драгомиров

*)Так называлась теперь бывшая сводно-кав. дивизия.

Из прошлого Кавалергардов

НА ОХРАНЕ Ж.-Д. СТАНЦИИ КАЗАТИН.

5-го мая военным и морским министерством был назначен Керенский. Началась новая эпоха, эпоха неудержимого развала армии. Не понимая или не желая понять всего происходящего в армии, правительство, различные комитеты и партии продолжа-

ли посылать на фронт всевозможные делегации и делегации, которые передавали привет «свободной армии» и просили «граждан солдат углублять завоевания революции». И не только свои русские. Этим также рьяно занималась и заграница. Так, например, шотландский масонский орден приветствовал армию и народ с «избавлением от изменников родины», выражал свой восторг перед всеми действиями Государственной Думы и призывал всех присоединиться к ним «для распространения общих идей», а социалистическая фракция французской Палаты Депутатов послала в Россию целую делегацию во главе с министром труда Албером Тома. Делегация побывала в обеих столицах, в различных крупных центрах страны и объехала фронт. Повсюду было сказано и выслушано бесчисленное количество речей.

Мне пришлось быть свидетелем, и отчасти участником, проезда этой делегации через станцию Казатин. 20 мая я находился со своим эскадроном в наряде по охране Казатинского ж.-д. узла и ловле дезертиров. Ночь была утомительная. На станцию пришло одновременно несколько поездов, в которых было задержано более 200 дезертиров. Пользуясь наступившим затишьем, Кавалергарды дремали в вагонах.

Около 9 утра ко мне в вагон пришел вестовой станционного комендантского управления и доложил, что «комендант приказал вам передать, что Альбер приехал». Я был в полном недоумении. — «Что за чепуха? Какой Альбер?» — «Не могу знать, так что, говорят, французский». — «Ничего не понимаю, что за Альбер французский» и, надев аммуницию, я пошел на вокзал узнать в чем дело.

Оказалось, что на станцию недавно подошел вагон с французской делегацией. Как это

случалось сплошь да рядом, вместо нескольких минут поезд стоял уже добрых полчаса. Понемногу у министерского вагона стала собираться толпа зевак: железнодорожные служащие, рабочие соседнего депо, пассажиры и солдаты застрявших на станции ночных поездов.

О приходе поезда станционный комитет узнал слышком поздно, чтобы приготовить соответствующую этому случаю торжественную встречу... Несмотря на поздний утренний час, занавески в окнах были спущены и никто из вагонов не выходил. В толпе слышались разные замечания, шутки и остроты по адресу министра. — «Хорош министр труда, уж скоро 10 часов, а он все дрыхает». — «Тоже скажешь, может, он всю ночь трудился, разные декларации писал. А ты — дрыхает». — «Ну там трудился или не трудился, нам неизвестно, а посмотреть любопытно, что за министр такой». — «Надо, братцы, по нашему, по расейски, «ура» ему крикнуть. Небось проснется!». Сказано, сделано. Могучее «ура», подхваченное всей толпой, пронеслось по вокзалу.

Штора в одном окне поднялась, рама опустилась и в окно выглянула какая-то фигура. «Ура» загремело с удвоенной силой. Фигура оказалась проводником вагона. Толпа загоготала. — «Вот так министр. Так это же Гаврила!». А под Гаврилами на солдатском языке почему-то подразумевалась вся поездная прислуга. «Крути, Гаврила. Не замай!»

Через несколько мгновений в пролете окна появился действительно французский министр труда Альбер Тома. Мятая рубашка сомнительной чистоты, галстук, сбитый куда-то вбок, черная с проседью борода и всклокоченная прическа произвели на толпу неожиданное и странное впечатление.

Из толпы выскочил какой-то телеграфист. «Дорогой товарищ Альбертома», сливая оба слова в одно, начал он свое приветствие министру. — «Товарищи железнодорожники безмерно рады, что товарищи французские социалисты прислали к нам своего дорогого товарища Альбертому». И в этом духе, захлебываясь от охватившего его волнения и восторга, вставляя с неимоверной быстротой через каждые три слова «товарища», продолжал телеграфист свою речь.

Рядом с министром стоял французский сфидер, пытавшийся переводить слова оратора. Это ему плохо удавалось: «Ce n'est pas un homme, c'est une mitrailleuse» сказал он в свое оправдание министру. Видя его затруднение, я

предложил свои услуги в качестве переводчика. Они были приняты с благодарностью.

Телеграфист кончил свою речь. Стали кричать: «Депутата от войск! Депутата от войск!» Никакого депутата от войск не было. Но так как крики с требованием такового не прекращались, то кто-то из толпы вытолкнул вперед какого-то солдата: «Валяй, Андреич. Не подкачай!»

В грязной растегнутой шинели, с болтавшимся на одной пуговице хлястиком и с поднятым воротником, в каком-то замусленном подобии папахи выступил Андреич с речью. Растянутым, певучим голосом, с сильным выговором на «о», начал он благодарить министра, «товарища Альбертому», за ту высокую честь, которую он оказал русским солдатам, приехав к нам в Казатин. «Такая честь, что ни в сказке сказать, ни пером не описать!». Он жаловался, что им плохо в окопах; холодно, сыро, есть нечего, да и немцы стреляют, и просил министра «явить Божескую милость ослободить их поскорее домой». Кончил он совсем неожиданно. «И всем сибирякам ура!». В толпе раздался гул одобрения. «Ай да Андреич! Не подкачал. Правильно все доказал француз!»

Наконец сам министр обратился к толпе с речью. Фразу за фразой переводил я его слова. Он говорил избитые истины о свободе и о

том, какие она налагает обязанности, чтобы быть воспринятой не во вред, а на пользу народу; о том, что война еще продолжается, что враг не разбит. Он говорил также и о том тяжелом положении, в котором находится его страна и что надо продолжать войну до победного конца.

Министр кончил. Толпа молчала. Затем тихо, а потом все громче и громче раздались из разных мест крики. — «Чего еще! Опять кровь проливать? Ну, это врьшь! А еще министра труда! Сказано без анекдотов и контрибуций и никаких. Шабаш! Не хотим больше воевать». Больше всех волновался сибиряк Андреич. — «Тебе хорошо весь день дрыхать, да кофеи в вагонах распивать. А нам каково в окопах! Со вшами, не пимши, не емши, да без баб. Иди сам воевать. А не хочешь, тикай себе во Францию!». «Господин капитан», — обратился он ко мне: — «Вы уже потрудитесь все это объяснить французам. Так что мы на войну больше не согласны».

Но объяснить французам мне ничего не пришлось. Паровоз свистнул и поезд, как пришел без всякого предупреждения, так и ушел, увозя французского министра труда и делегацию социалистической фракции французского парламента.

В. Н. Звегинцов

С Волжской батареей под Ином

Кратко и четко Б. Филимонов в своей книге «Белоповстанцы» описал действия Волжской батареи в ночном бою 10-го января 1922 года на разъезде Ольгохта. К сожалению, описание это очень мало соответствует действительности. Кто ввел его в заблуждение, я не знаю. Хочу только исправить эту досадную неточность, вкравшуюся в его описание Хабаровского похода.

Стоял жгучий мороз и была почти абсолютная тишина...

Волжская имени генерала Каппеля батарея, в которой в то время я был младшим офицером, стояла на позиции слева от станционных путей, немного не доходя разъезда Ольгохта. По приказанию командира батареи, я с несколькими солдатами ставил ночную точку отметки. Почти все остальные чины батареи находились

по другую сторону путей и грелись в железнодорожной будке, лежавшей немного на отлете от остальных строений разъезда.

Вдруг, совершенно неожиданно, поднялась сильная ружейная стрельба, застучали пулеметы, и пули роями, со свистом, понеслись над нашими головами. Вдоль станционных путей начали рваться одиночные снаряды, а впереди, на небосклоне, были видны вспышки орудий обстреливавшего нас Красного бронепоезда.

Красный Троицкосавский полк, воспользовавшись темнотой, прошел, никем не замеченный, по руслу реки Ольгохта и, подойдя вплотную, неожиданно справа от полотна атаковал разъезд. Наступления красных никто не ждал.

На путях сейчас же показался наш командир, подполковник Ильичев, бежавший к нам. За ним, перегоняя один другого, неслись остальные батарейцы. Спустившись в выемку, шедшую справа от позиции, на которой стояли

орудия, командир, стараясь перекричать пронзительный вой несущихся пуль, подал несколько раз подряд команду: «На картечь, огонь!» Бывшие на позиции дежурные номера бросились к орудиям. Огонь на картечь открывать было нельзя, и я их остановил, крикнув: «отбой!», и пошел навстречу уже бежавшему ко мне командиру, которому я доложил, что совсем недавно в прикрытие батареи пришла сотня от Пластунского полка и расположилась на опушке перелеска, лежавшего как раз против наших орудий — не дальше, чем в 150-ти шагах. Только я успел окончить мой доклад, как справа разалось громкое «ура» и стало постепенно удаляться... Уфимцы, которые только что прибыли на поезде и еще не успели выгрузиться, прямо из вагонов, не произведя ни одного выстрела, бросились в контр-атаку... Стрельба почти сразу прекратилась, и наступила опять тишина.

Никто из нас в эту ночь не спал. Да и негде было. Ходили только по очереди греться все в ту же отведенную для батареи будку, окна и дверь которой давно были выбиты и зияли темными пятнами на фоне снежной ночи. От толпившихся внутри солдат и офицеров было настолько тесно, что приходилось всем стоять. В будке, кроме сложенной вдоль одной из стен плиты, в которой бойко, слегка потрескивая, горели остатки выломленной двери, ничего не было. Шедший от плиты довольно сильный жар быстро растворялся в ледяном воздухе, легко проникавшем снаружи, и мороз давал всем чувствовать, что и здесь хозяин — он.

На плите стоял большой чайник, а на краю ее у стенки, совсем некстати, лежала санитарная сумка. Наш батарейный фельдшер, придя одним из первых, когда плита была еще холодной, положил туда сумку и, чем-то отвлекшись, совершенно про нее забыл. Фамилию его я не помню да, кажется, никогда ее и не знал. В батарее, как офицеры, так и все солдаты, звали его Сократ. Кроме прямых своих обязанностей, он исполнял множество других, до орудийного номера включительно. Не замечали сумки и приходившие погреться батарейцы, жадные взоры которых были устремлены только на шумевший чайник, в котором кипятили воду (снег).

Всеми забытая и не привлекавшая ничьего внимания сумка, касаясь одним своим краем до раскаленной железной части плиты, от долгого лежания на ней нагрелась до того, что загорелась и, вспыхнув ярким пламенем, осветила всех присутствующих. Солдат, стоявший около плиты, успел во-время ее схватить и вышвырнуть наружу. За окном моментально раздался сильный взрыв. Внутри все вздрогнуло и, не понимая, что случилось, продолжали стоять в недоумении. Стоявшие близко у дверей

выскочили наружу, но за окном ничего подозрительного не нашли. Не нашли и горячей сумки. Ее и след простыл. «Хороши медикаменты у Сократа!» — раздался чей-то громкий возглас. Все разом дружно засмеялись... Нашли и самого виновника, и все сразу разъяснилось: в сумке лежали две ручные гранаты, около которых еще долго после этого в будке вертелся разговор. В душе все были довольны, что так легко отделались, но от своей судьбы ушли не все..

Когда начало рассветать, командир предложил мне пойти в Штаб к генералу Сахарову узнать обстановку, и я ушел. Среди солдат Волжской батареи Сахаров пользовался большой популярностью, да и сам он относился к батарейцам не плохо и довольно часто заходил проводить их и побеседовать. Больше разговаривал с солдатами, которые за глаза, почему — не знаю, всегда величали его «Сахар-Паша».

Придя в Штаб, я застал там Пашу очень расстроенным, нервно шагавшим взад и вперед и нещадно бранившим полковника Аргунова за его медлительность. Видя такую обстановку, я не решился к нему подойти и остался стоять в стороне и ждать. Немного еще погорячившись и, повидимому, дав себе отчет, что делу этим не поможешь, генерал Сахаров решил действовать сам и отдал распоряжение собираться и выступать.

Пластуны, Уфимцы, Камцы и Волжская батарея двинулись по времянке, которая шла справа от полотна железной дороги в сторону Ина. Около 8-ми часов утра прошли мимо Глуткинской батареи, стоявшей на позиции почти на самой дороге. Выдвинувшись дальше вперед, полки начали разворачиваться и продвигаться в сторону, занятой уже красными, второй будки, около которой маячил бронепоезд, обстреливавший редким огнем наше расположение. Волжская батарея, пройдя по дороге еще немного вперед, на ней же стала на позицию. Командир батареи, выбрав наблюдательный пункт слева от орудий, на насыпи полотна, сейчас же открыл огонь по красному бронепоезду, который то появлялся, то уходил за поворот и прятался за находившийся там лесок.

Впереди послышалась ружейная и пулеметная стрельба: пластуны и Уфимцы наткнулись на противника... Бой разгорался... Одиночные пули стали залетать на батарею, но больше ложились около наблюдательного пункта, на котором находился командир батареи с несколькими разведчиками. Я стоял на насыпи немного впереди их и старался разглядеть, где ложатся наши снаряды. Лесок, за которым прятался красный бронепоезд, сильно мешал наблюдению, и большинства разрывов не было видно совсем. Это сильно затрудняло пристрелку, даже делало ее почти невозможной. Луч-

шего наблюдательного пункта поблизости не было, да никто его не искал. Все считали, что мы стоим здесь временно и с минуты на минуту должны двинуться вперед.

Красный бронепоезд, нарушая все правила стрельбы по открытым целям, почему-то вел огонь шрапнелью на удар и стрелял одиночными выстрелами. Шрапнели рвались все больше перед нашей Волжской батареей, не причиняя ей никакого вреда. Только стаканы, рикошетируя о промерзлую землю, пролетали с сильным воем через нас и падали около Глудкинской батареи, стоявшей почти что нам в затылок. Глудкинцы их подбирали, складывая в кучу, которая сравнительно быстро росла.

Стрельба впереди все усиливалась. Появились раненые, проходившие мимо нас в тыл на перевязочный пункт. От них мы узнали, что наши продвинуться вперед не смогли и несли большие потери.

Командир батареи продолжал стоять на насыпи и караулить красный бронепоезд, который теперь не выскакивал из-за будки, а держался где-то за поворотом, и его не было видно. Иногда, когда дым из трубы паровоза выдавал его положение, наша и другие батареи открывали по нему огонь. Насколько этот огонь был действительным — судить было трудно, но бронепоезду на месте стоять не давали, и он все время менял свои позиции, двигаясь то назад, то вперед. Положение у него не было особенно веселым. Минувшей ночью разведчики из отряда полковника Аргунова, одетые в белые халаты, незаметно подкрались к железнодорожному полотну и сзади его взорвали мост, отрезав ему путь отступления на станцию Ин.

Стреляла больше Волжская батарея, а остальные чего-то ждали, а чего — нашему младшему командному составу тогда, да и теперь, осталось неизвестным.

Вторая будка, которую занимали красные, находилась от нашего наблюдательного пункта не дальше трех верст, и я, стоя на насыпи, очень часто посматривал в ее сторону. Мое внимание привлекало происходившее там какое-то движение: было видно много лошадей. Я стал внимательно присматриваться, и мне показалось, что два орудия выехали и стали на позицию правее ее. Я сообщил об этом командиру батареи, но, как мне тогда показалось, он не придавал особенного значения моим словам, хотя все же ответил: «Я сейчас им покажу!» и продолжал следить за бронепоездом. Ждать нам долго не пришлось. Красные открыли огонь по нашей батарее. Несколько снарядов разорвалось перед батареей — недолеты, два были перелеты, один попал в штабель шпал, сложенный на откосе насыпи, около наблюдательного пункта, и обстрел прекратился.

Насколько я был прав, судить не берусь.

Может быть, это стрелял красный бронепоезд, выслав вперед наблюдателя, но из-за будки он не показывался. Это место было пристреляно всеми нашими батареями — шесть орудий, и если бы он показался, то хоть одна из них ему бы всыпала.

Было обеденное время. Увидя, что на батарее пили чай, я поспешил присоединиться. К чаю, кроме черного хлеба, буханки которого настолько промерзли, что поддавались только топором, ничего больше не было. Желаящих держать во рту кусок льда на лютom морозе почти не находилось, и невольно все придерживались суворовского завета и держали «брюхо в голоде». Налив себе в кружку чаю, я подошел к старшему офицеру, штабс-капитану Козловскому, который находился на батарее, и посоветовал ему пойти к командиру батареи и попросить его переменить позицию, так как красные взяли в вилку, и нам не сдобровать.

Козловский отнесся к моему совету как-то безучастно, сказав мне только: «Идите и просите сами». Я пошел, и успел только сделать несколько шагов, как сзади меня раздались взрывы. Красные, сплотив вилку, дали очередь по нашей батарее и перенесли огонь дальше в тыл — по другим. Сколько снарядов разорвалось на батарее, в этот момент определить было невозможно: все произошло так неожиданно и быстро. Во всяком случае, не меньше двух, но и этого было достаточно: двое солдат были убиты, несколько ранены и перебито несколько, стоявших около позиции, лошадей. Потери для нашей батареи были настолько значительны, что пришлось просить пополнения.

Я сразу подбежал к дровням, стоявшим шагах в десяти сзади орудий, на которых лежали ящики со снарядами, и вместе с другими батареями мы стали их сбрасывать. На их место уложили раненых, которых я прикрыв, сняв с себя бекешу. Сделано это мною было потому, что раненые умирали, главным образом, не от ран, а, лишенные возможности двигаться, быстро замерзали. Раненых, без промедления, отправили в тыл, в санитарную летучку.

В это время к батарее подошел генерал Сахаров и отдал приказание сниматься с позиции и отходить. Но это не было так просто: несколько орудийных лошадей выбыло из строя, и их нужно было заменить. Заменяв их верховыми, батарея двинулась по дороге в сторону Ольгохты. Генерал Сахаров пошел вместе с батареями.

Становилось все холоднее и холоднее. И особенно это чувствовал я, будучи в хромовых сапогах, которых уже больше суток не снимал. Батарея выступила на фронт так неожиданно и быстро, что не успели получить никакой теплой обуви, — вернее, ее и не было. Все щеголяли в том, что кто имел. Ноги мои сильно мерз-

ли. Газета, которой они были обернуты, перестала согревать, повидимому, истерлась.

Пройдя по дороге небольшое расстояние, батарея остановилась против горящего, сложенного из шпал, железнодорожного мостика, и я, воспользовавшись случаем, пошел к нему погреться. Около него стояла, греясь, довольно большая группа солдат и офицеров (как тогда просто называли — «белоповстанцев»). Среди них оказался генерал Провахенский — командир Пластунской бригады, который подошел к генералу Сахарову и сообщил ему, что он занимается перевозкой раненых и устройством санитарной летучки. От горевших шпал шел такой сильный жар, что подойти к ним близко было невозможно, и все стояли на довольно почтительном расстоянии от них.

Красные продолжали обстреливать нас артиллерийским огнем. Когда я подошел к группе белоповстанцев, наслаждавшихся теплом, очень близко от горевшего мостика разорвался снаряд, довольно крупный, осколок которого со свистом пролетел между ними и, к счастью, никого не задев, ударился о горевшую шпалу, но рикошетировал от нее и, все-таки, попал одному из близко стоявших в живот. К общему изумлению всех присутствовавших, осколок отскочил и, шлепнувшись в снег, зашипел. Все невольно рассмеялись. Белоповстанец, придя в себя от неожиданного и сильного удара, счастливо улыбаясь, поднял его и положил к себе в карман — на память. Полушубок спас.

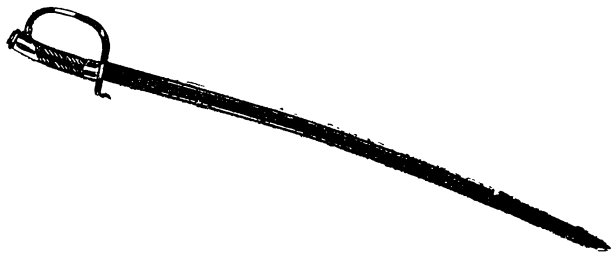
Батарея, немного постояв, двинулась дальше. Я ее догнал, когда она подходила к Ольгохте. Здесь, в стороне от дороги, лежало несколько убитых красноармейцев, оставшихся после вчерашней ночной атаки Ольгохты. Генерал Сахаров увидев меня в одной ватной телогрейке, спросил: «Почему?» Когда я ему объяснил, он, указывая на одного из убитых, предложил мне снять с него полушубок, но я отказался — стаскивать с промерзшего трупа полушубок не хотелось, и я побежал в санитарную летучку, стоявшую на разъезде в вагонах. Быстро найдя свою бекешу, я вернулся к батарее, которая уже стояла в Ольгохте. Вскоре нам было объявлено,

что Поволжская бригада отводится в резерв на станцию Волочаевка. Бригадой она была только по названию. По количеству бойцов она представляла собой три роты пехоты и артиллерийский взвод, да и то не полных составов, но гордо продолжавших именоваться полками и батареями. Начало смеркаться, когда мы выступили. Шли очень быстро, все спешили добраться до теплых халуп. Спешил и я, стараясь всеми способами согревать свои ноги. Что только я ни делал — и бежал, и подпрыгивал, но, несмотря на все мои старания, пройдя больше чем полдороги, я почувствовал, что ступней у меня нет, а есть какие-то колодки, на которых очень неудобно и трудно было идти, и все мои упражнения ничему не помогали. Я стал понемногу отставать от батареи. Мне нехватало воздуха; он был настолько холодный, что мне трудно было дышать. Пройдя еще немного, я остановился, чувствуя, что идти дальше не могу. Мне как-то стало все безразлично, и захотелось присесть и отдохнуть.

В этот момент я услышал оклик: «господин поручик, что с вами?» Передо мною стояли два батарейных разведчика, которые, заметив, что я отстал, подъехали ко мне. Успел я только им сказать, что отморозил ноги и дальше идти не могу, как они меня подхватили, посадили на случайно проходившие мимо дровни и мигом доставили в Волочаевку. Батарея уже разошлась по квартирам, а меня ввели в халупу, в которой остановился командир батареи. Посадили на стул. Командир сам бросился снимать с меня сапоги, но не тут-то было: они примерзли к ногам, и, чтобы их снять, пришлось разрезать голенища. Так пропали мои новые хромовые сапожки. Ноги мне стали оттирать спиртом и так энергично, что они очень скоро покраснели, но зато так распухли, что ничего на них нельзя было надеть. Хозяйка халупы дала гусяного сала, которым густо намазали мои ноги и, отпоров от полушубка рукава, засунули их туда.

В этот же вечер на бронепоезде «Волжанин», который уходил на свою базу, меня отправили в Хабаровск.

Н. Голеевский.

НАШИ ТУРКЕСТАНСКИЕ НАЧАЛЬНИКИ

Генерал ЛЕШ.

Генерал-лейтенант Леш был командиром 2-го Туркестанского корпуса. От старших офицеров полка мы, молодежь, слышали о нем, что он очень добрый человек, умный и распорядительный начальник, противник всякой рутины и формалистики. Инспектировал он части своего корпуса совершенно неожиданно для их командиров для того, чтобы видеть части не а с т о я щ и м и в их быту, а не специально для того приготовленными.

В Русско-Японскую войну 1904-1905 г.г. он был командиром 1-го Сибирского стрелкового полка, отличился со своим полком в боях и был награжден орденом св. Георгия 4-й степени. Это особенно украшало и возвышало генерала Леш перед теми офицерами, которые никогда еще не участвовали в войне.

Было воскресенье. Мертв и скучен наш маленький городок Мерв Закаспийской области. Мы сидим на скамейках у своих квартир с полковыми дамами, перебрасываясь шутками, разговорами, в полном покое праздничного дня. В домах богатого армянина Тер-Аракельянца, построенных на весь фасадный квартал лицом к городу, жили несколько семейств офицеров нашего 1-го Кавказского полка Кубанского войска и мы, четыре молодых хорунжих. Мы в черкесах, при кинжалах и револьверах. Это был наш повседневный костюм-мундир.

Было жаркое после-обеденное время. Видим, как через большую песчаную площадь, перерытую канавами, отделяющими наш квартал от города, бешеным карьером, по диагонали площади скачут вестовые казаки, имея в поводу офицерских лошадей.

«Тревога в полку!» — выкрикнул передний из них, бросив столь страшные и приятные военному сердцу слова.

Схватить шашку в квартире и прыгнуть в седло — дело нескольких секунд, и мы несемся карьером в распоряжение полка через те же канавы и рывины по диагонали площади. Мы в полку. Там сотни уже ждали своих офицеров в конном строю и при винтовках. Кто вызывает и почему? Мы не знали.

Широким наметом (галопом) по узким и криком улицам города, перескочив через деревянный мост полустоячей речки Мургаба, обе сотни полка — 3-я есаула Котляра Зиновия и 6-я есаула Флейшера Николая, учебная команда подъесаула Алферова и хор трубачей с полковым

адъютантом сотником Гридиным Иваном, поднимая столбы песка, появились на гарнизонной площади «в новом городе», где квартировала бригада Туркестанских стрелков, вся их артиллерия и саперный батальон подполковника Тер-Окопова. На ней — ни души. И только высокий, могучего телосложения, мне незнакомый генерал, одетый в китель и при кавказской шашке, смотрел на часы с улыбкой, измеряя время. При нем два или три офицера.

— Генерал Леш, — произнес мой начальник, подъесаул Алферов.

— Так вот он какой! — радостно подумал я.

После короткой церемонии «встречи» и рапорта нашего командира полка полковника Д. А. Мигузова — генерал Леш подошел неспеша к сотням, по-отечески поздоровался с ними, поблагодарил за быстроту по тревоге и потом произнес весело:

— Ну, а теперь — справа по-одному, с джигитовкою и господами офицерами — скачите в свое расположение!

Все это было так неожиданно, так приятно. Конечно, джигитовка с винтовкой за плечами, при шашках для казаков была больше чем неудобна. «Номера» исполняли — кто как может. Застоявшиеся кабардинцы неслись стрелой и на очень коротких дистанциях: — 5-8 лошадей. А где г.г. офицеры?... Для 40-летних есаулов это было и «дико» и невозможно. Они были «старики», довольно грузные, да и с молодости не были наездниками, как и многие 30-35-летние подъесаулы. И только мы, молодежь хорунжие, кое-что выполнили, более или менее сносно. Все это заняло не больше 10-15 минут.

Штаб корпуса находился в Асхабаде. И вот генерал Леш, как всегда, в одном вагоне при паровозе, совершенно секретно прибыл в Мерв, избрав именно день праздничный, когда всех можно было застать врасплох. Прибыв на станцию Мерв, он лично позвонил по телефону дежурному по полку офицеру, приказав полку по тревоге прибыть на гарнизонную площадь.

Нам, молодежи, это очень нравилось.

На второй день назначена была стрельба всего гарнизона по появляющимся мишеням.

Гарнизон на стрельбище. Кругом песчаные буруны пустыни. Колочие кустарники. Сухая палящая жара, но все офицеры и стрелки «в выходных формах одежды». Казаки в черкесах. Гимнастеров в казачьих частях тогда еще не было.

Как всегда бывает при инспекторских смотрах, все подчиненные начальники волнуются, дают много распоряжений, указаний, цукают своих подчиненных и находятся как бы в транс. Мы же, молодежь, воспитанная в духе личной инициативы, только тихонько посмеиваемся над своими волнующимися старшими начальниками.

Генерал Леш сигналом горниста-стрелка и трубача-казака, наряженных к нему, сзывает всех офицеров к себе, предлагает стоять «вольном» и говорит:

— Господа!... идет жестокий бой... все младшие офицеры выбыли из строя убитыми и ранеными... их должны заменить немедленно же и в бою унтер-офицеры и урядники... а посему: — немедленно же дать в мое распоряжение по одному взводу от каждого полка, и я посмотрю, как руководят огнем заместители офицеров?

Сказал и утих, но мы заметили, как «вытянулись» лица некоторых начальников от такой неожиданности. Боевой и опытный в прошедшей войне начальник, нормально, хотел познакомиться с боевою подготовкою частей своего корпуса, а не с парадной его стороной. Но все же — такого сюрприза никто не ожидал, в особенности мы, казаки.

Туркестанские стрелки были отличные части и стрельба у них была поставлена блестяще. Мы же казаки — конница. Стрельба у нас на втором плане. Кроме того, — при штабе полка в Мерве стояли только две сотни, которые несли весь полковой наряд по разным постам через сутки. Было не до строевых занятий. Да и командир полка не утомлял этим сотни, редко выходя на плац из своего затворничества в полковом доме в глубине плаца, на пустыре. А для экономии — отдыхающая сотня, под командой урядников, без седел («охлюпью»), перевозила ячмень из железно-дорожных вагонов в свой полк. И офицерам и казакам это было очень приятно. На далеких Российских границах, где квартировали казачьи полки, это было совершенно нормально.

Генерал Леш, видимо, понимал это и от нашего полка хотел посмотреть стрельбу только учебной команды. В ней я был помощником начальника команды, почему и уловил пугливо-недоуменный взгляд подъясаула Алферова, который был больше чем не силен и по уставам, и по строевому делу.

Наша полковая учебная команда была в 36 человек, то-есть составляла один лишь взвод казаков, но в ней были отличные три урядника — Бородычев, Толстов и Наумов. Вахмистр Бородычев ушел только что на льготу (сейчас он войсковой старшина и проживает под Нью-Йорком). Толстов Дедан назначен вместо него. Он окончил Ташкентскую окружную гимнастическо-фехтовальную школу. Был ловкий,

живой, распорядительный и любил военную службу. Рассыпав свой взвод в цепь и наблюдая в бинокль Цейса, он удивительно быстро замечал между кустарниками и бурунами «появляющиеся на момент» мишени защитного цвета в бюст человека, быстро определял расстояние до них, назначал прицел и открывал огонь.

Учебная команда, уже прошедшая весь курс обучения, молодецкая и гибко-послушная «словам команды», засыпала мишени своим метким огнем.

«Вынь патрон, перестань стрелять!» — дал кавалерийский сигнал генерал Леш о прекращении огня и подозвал к себе вахмистра Толстова, который был в звании старшего урядника.

Полы серой черкески круто подоткнуты за пояс. Небольшая папаха, от жары, далеко заброшена на затылок, открывая бритый лоб. Черкеска, шаровары, ноговицы — все в песке и в репьях-кожушках. Легко подбежав к генералу «на носках», щелкнув пятками своих чевяк и одновременно приставив винтовку «у ноги», Толстов густым красивым низким баритоном запевалы-песельника смело произнес:

— Чего изволите, Ваше Превосходительство? — спросил и замер в положении воинской стойки «смирно».

— Молодец ты... твой взвод дал даже больший процент попадания, чем мои славные Туркестанские стрелки. Спасибо, братец, — мягко, чисто по-отечески, произнес командир 2-го Туркестанского корпуса генерал-лейтенант Леш.

— Рад стараться, Ваше Превосходительство! — молодецки ответил старший урядник Толстов, Федор Иванович, казак станицы Темижбекской, и, бросив в сторону г.г. офицеров своего полка лишь на один миг свой глаз, чем сказал, дескать — «Не подвел свой славный полк!» — он круто повернулся «кругом» по всем правилам строевого устава, в несколько скачков был уже перед строем своих казаков-учебняк, дружески, коротко поведую, что ему сказал генерал Леш.

Стрельба закончена. Генерал Леш наотрез отказался от всех почестей и обеда в гарнизонном собрании и в тот же день выехал поездом в свой Асхабад.

Это было перед праздниками Св. Пасхи 1914 года.

С началом войны 1914 года, командующий Туркестанским военным округом генерал-от-кавалерии Самсонов, генерал Леш и генерал Редько — все трое были вызваны в Ставку и

получили назначения на Западный фронт. Это было сделано потому, что по мобилизационному плану войска Туркестанского военного округа должны были оставаться на своих местах. Боевых же их генералов, отличившихся в Русско-Японской войне, вызывали на фронт. Мы очень жалели об этом, как и были огорчены, что нас оставили на старых местах, что война может окончиться «без нас», и мы не понюхаем и пороха. Но 25-го августа наш полк, сосредоточившись в Мерве, погрузился в вагоны и был направлен на Красноводск, что на восточном берегу Каспийского моря. Об этом в другой раз.

На Западном фронте генерал Леш принял в командование корпус. Потом был назначен командующим армией. После краха Белого движения, как слышал, он жил в Югославии, был инвалидом (потерял ногу) и там умер.

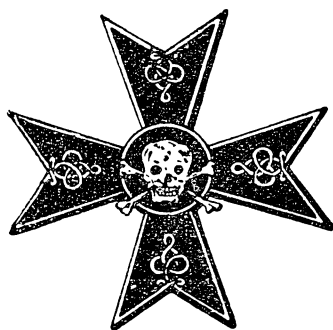
Тяжело сознавать, что такие отличные военачальники так незаметно ушли в небытие и умерли в неизвестности. Но мы, их подчинен-

ные, тогда молодые офицеры, — тепло храним о них светлую память.

А что-же урядник Толстов?... Его дальнейшая служба во время 1-ой Великой и гражданской войн прошла не только на моих глазах, но провел он этот героический период в моем подчинении. Великую войну закончил Георгиевским кавалером, подхорунжим и вахмистром моей 2-й сотни 1-го Кавказского полка. Наше восстание против большевиков в марте 1918 года — и он в моем конном отряде. Разбили нас... В гражданской войне получил чин хорунжего. Отступил к Грузии и там остался с сданной Кубанской армией. В августе 1920 года, тремя поездными эшелонами, с шестью тысячами Кубанской военной и гражданской интеллигенции, был отправлен в район Архангельска, где, по сведениям, все они погибли в том же году, расстрелянные в баржах на Северной Двине.

Полковник Елисеев.

Атака под Шавлями

Война тянется почти год, а конца ее, как будто, не видно. Все бои да походы. Скоро совсем потеряем человеческий облик и окончательно отвыкнем от культурной жизни нормальных людей.

Как хорошо теперь в родных краях! Прилетели жа-

воронки и скворцы. Поля и луга покрываются изумрудной зеленью... Вырваться хоть бы на недельку из этого ада и отдохнуть среди родных, близких и друзей!

Отпуск — заветная мечта офицера. Но в апреле 1915 г. наша 5-ая кавалерийская дивизия получила приказ: «Прекратить какие бы то ни было отпуска». Вторым распоряжением было: «Двигаться на север».

Закончив железнодорожный маршрут и выгрузившись у города Поневеж, дивизия ускоренным аллюром, 26. апреля, подошла к городу Шавли, который только что, после тяжелого кровопролитного боя, был занят нашей пехотой. Выбитые из города немцы, обойдя болото, укрепились в ближайшей к городу деревне. Бо-

лото, за которым была деревня, было непроходимо, поэтому, утомленный напряженным переходом штаб дивизии, подойдя близко к болоту, расположился на ночлег тут же на фольварке.

Наскоро поужинав, чины штаба расставили кровати и быстро заснули. Но их сон продолжался не более двух часов, так как около полуночи немецкая легкая артиллерия из-за болота, может быть даже из-за деревни, начала беспорядочный, но энергичный обстрел фольварка. Зазвенели разбитые стекла окон, со стен посыпалась штукатурка. От обстрела почти никто не пострадал, если не считать обычного в таких случаях переполоха.

По тревоге через какие-нибудь 25-30 минут дивизия была на сборном пункте у дороги.

Соблюдая возможную для кавалерии тишину, с большими предосторожностями, дивизия двинулась колонной в обход большого болота. Пройдя верст 5-6 и, таким образом, очутившись на фланге занятой немцами деревни, дивизия свернула с дороги прямо на поле влево. По приглушенной команде, передаваемой полупотом, при полной тишине и темноте, ориентируясь по двухверстной карте, дивизия построилась в боевой порядок фронтом на деревню. Позади полков, на соответствующем расстоянии и полагающемся интервале одной от другой, построились 9-я и 10-я шести-орудийные

конные батареи.

Как только начал брезжить свет, с правого фланга, где находился штаб дивизии, разрывая тишину, как рвется новая материя, издали, но совершенно ясно, послышался сигнал штабного трубача: «Шагом марш»! Как в мирное время на конном учении, спокойно, прямо по полю, зашуршали по траве орудийные колеса, лениво клекая на ухабах. А через короткое время с некоторым ускорением, один за другим, еще более отчетливо, чем первый сигнал, разнеслось по полю: «рысью» — «галопом» — «в атаку» «марш-марш»...

В первый момент сигнал: «В атаку» — показался и неожиданным и невообразимым для целой дивизии в полном составе. Почти не веря своим ушам и глазам, переводя в галоп своего «Дуплета», я спросил скачущего неподалеку всеми уважаемого батарейного вахмистра:

— Игнатов, в атаку?

— Так точно, Ваше Благородие, — отчеканил вахмистр.

В утренней синеватой мгле уже виднелись скачущие и рассыпавшиеся веером в лаву, как на смотре, полки дивизии. Вслед за ними, соблюдая равнение, грозно громыхая колесами, скакали две конные батареи.

Это море скачущих всадников представляло величественную, незабываемую по своей красоте картину.

Со стороны не ожидавшей и теперь уже хорошо видимой деревни, раздались сначала беспорядочные ружейные выстрелы, после которых ненадолго застрочили пулеметы.

В этот момент конные батареи, как одна, на полном ходу повернули «налево кругом», снялись с передков и моментально открыли огонь по тылам противника, через головы своей скачущей конницы. Центр кавалерии, проскакав

заставы, ворвался в деревню, рубя бегущих немцев. Наш правый фланг уходил в обход деревни.

На левом фланге, частью скрытым кустарником, некоторое время продолжалась истерическая стрельба немецких пулеметов. Но вот и она затихла. Откуда-то издали беспорядочно и редко стреляла немецкая батарея. Но вскоре и она замолкла. Деревня взята.

Шедший крайним на левом фланге наш 5-й уланский Литовский полк, перед самой деревней, врезался в конец болота. С разгона далеко заскакавшие в болото уланы стали глубоко вязнуть, а сидевшие на другом берегу немцы расстреливали тонущих. Правда, это продолжалось недолго. Обошедшие немцев драгуны их порубили.

Благодаря стремительной и неожиданной для врага атаке, дивизия взяла укрепленную деревню с большими трофеями и массой пленных.

3-й эскадрон наших улан серьезно пострадал: в нем уцелело всего 37 человек.

Маленьким осколком шального немецкого снаряда очень легко, в мякоть икры, был ранен прапорщик 10-й конной батареи Реззов. Мы видели, как ему делалась перевязка. Возбужденный и радостный, что так дешево отделался, он бодро курил папиросу, вызывая нашу искреннюю зависть.

— Поеду на Волгу, она теперь в полном разливе... В Самаре теперь разгар весны... Пока таюся на лодке с девушками, — мечтал раненый.

Его увезли в лазарет. Через четыре дня нам сообщили, что бедняга умер от заражения крови. А еще так недавно мы завидовали ему.

Василий Вырыпаев.

Бой Каспийского полка

Многие, бывшие в боях, наблюдали или чувствовали наступление «психологического момента» — напряженной критической минуты боя, когда в разгар действия достаточно сравнительно незначительного обстоятельства, чтобы поколебать стойкость одного из противников и вызвать его поражение.

Такие моменты труднее и реже наблюдаются в позиционной войне; в маневренной они чаще и различнее. Одним из таких боев с ясно

выраженным, как мне казалось, «психологическим моментом» — сдачей роты австрийцев на виду у своих — был бой 29 августа 1915 года 148 пехотного Каспийского полка, западнее города Тарнополя.

Все лето, с конца мая 1915 года, войска II-ой армии отходили на восток. Первые недели отступление велось под давлением противника с непрерывными дневными боями и ночными маршами. Люди были изнурены и полки иногда не проявляли должной устойчивости. Но в середине июня энергия противника уменьши-

лась, части постепенно вновь окрепли и на рубежах рек Гнилая, Золотая Липа и Стрыпа оказали сопротивление, задержавшее наступление австро-германцев на несколько недель. В конце июля наш отход — «стратегическое выравнивание» — продолжался, и в середине августа войска II-ой армии генерала Щербачева оказались на линии реки Серета, западнее Тарнополя. Вскоре стал известен приказ о прекращении дальнейшего отхода, о переходе к активной обороне и отдельным наступательным действиям. Это известие было принято с радостью; хотелось сбить спесь с «завзнавших австрийков», избалованных трехмесячным наступлением, и показать, что их боевые качества играли последнюю роль в нашем отходе.

27 августа командир дивизиона (4-го Сибирского горного артиллерийского) вызвал меня и приказал со 2-ой батареей, которой я временно командовал, отправиться в распоряжение начальника среднего боевого участка, занятого 148 Каспийским полком, для содействия ему в предстоящей атаке. При этом впервые за много недель было получено разрешение расходовать снаряды «в меру надобности», голодный паек — 7 патронов на орудие — отошел в прошлое.

Командир полка просил энергично помочь артиллерийским огнем в подготовке атаки и сопровождать его полк в наступлении. Он рекомендовал о подробностях сговориться с командирами атакующих батальонов.

Я отправился на западную опушку леса, вдоль которой проходила наша пехотная позиция. Оттуда открывался чудесный вид на все расположение противника. Шагах в 500 проходила передовая линия его окопов, с одним-двумя рядами проволочного заграждения; примерно в таком же расстоянии далее шла вторая, видимо основная, линия, окопы которой соединялись с передовыми ходами сообщения, маскированными мелким кустарником. Далее местность полого поднималась к западу и была наблюдаема на протяжении 1-1,5 верст, представляя собою поля сжатого хлеба. Тишина стояла почти полная; лишь за гребнем слышались выстрелы двух легких батарей, изредка стрелявших по опушке, левее моего места наблюдения. Уже беглое сравнение окопов обеих сторон говорило о значительном превосходстве нашей позиции, с обширным кругозором и прекрасными секторами обстрела ближних и дальних подступов. Австрийская позиция была ниже и весь ближайший тыл ее на протяжении одной-полтора верст был открыт для нашего наблюдения и огня. Такое положение австрийцев указывало на недомыслие или, может быть, на пренебрежение к нам: приученные в течение трех месяцев к нашему отходу, они и теперь ожидали его и готовились в конце августа, то-

есть почти одновременно с нами, перейти в наступление, поэтому и выдвинули свои передовые окопы для более выгодного исходного положения. 29-го утром была назначена атака. В течение двух предшествующих дней я подробно ознакомился с расположением окопов, ходов сообщения и пулеметных гнезд, к которым пристрелялся исподволь и осторожно, чтобы «не спугнуть». Позиция батареи в 350-400 саженях от пехоты, прикрытая лесом, позволяла глубокое обстреливание тыла противника. Командир батальона и его рот просили подготовить им для атаки ближайший, сравнительно небольшой участок, а позже, с началом атаки, обрушиться на пулеметы, уничтожить их, или, по крайней мере, держать их в молчании. Сообразно с этим я предполагал вести сначала комбинированный огонь батареями, а позже полубатареями, гранатами бить по пулеметным гнездам.

В назначенный день утром я отправился на командирский наблюдательный пункт. Все уже было готово: большая «двурогая» труба возвышалась на треноге и гордо всматривалась вдаль, разведчики и телефонисты, во главе со старшим фейерверкером Ушаковым, проверяли телефонные аппараты, укрепляли «кантаки» и делились своими впечатлениями с батареями; двойные телефонные провода обеспечивали связь с батареей и боковым наблюдением. Впереди раздавались, как обычно, редкие выстрелы.

Подошел командир батальона, молодой подполковник.

— Через час перехожу в наступление, сказал он.

— У меня все готово, сейчас открою огонь.

— По цели № 1, прицел 40, трубка 40, батарею, огонь! — через несколько секунд характерный вой над головой и шесть облачков равномерно распределились впереди.

— Ваше благородие, с бокового передают — хорошо, перед окопами.

— Гранатою! Огонь! — опять завывло, и на этот раз шесть черных воронок вблизи и в самых окопах.

— Правее 2.0! Полминуты выстрел! Огонь!

— Смотрите, Ваше Благородие, «он» влево подается, к ходу сообщения теснится!» Действительно, австрийцы на участке обстрела по одному перебежали влево и в тыл. Подошли ближайшие офицеры и ротный командир, довольные, улыбающиеся: «Вот хорошо-то. Так их!».

Стрелки в окопах тоже одобряли:

— Будет знать, с. с...!

— Ему хуже — нам лучше! Небось не радуется! Должно и обед позабыл!

Батареи противника, обеспокоенные нашим огнем и чуя недоброе, начали обстреливать опушку леса левее наблюдательного пункта.

Время атаки приближалось. Офицеры, чуть взволнованные предстоящим боем, отдавали последние распоряжения. Некоторые подошли ко мне.

— Вы уж, пожалуйста, поддержите нас! Куда лучше, когда слышишь свои орудия.

— Через 5 минут я трогаюсь, сказал подполковник.

— Первая полубатарея, цель № 2, вторая — цель № 3. Гранатою! Пять секунд выстрел! Огонь!

Длинные воронки и резкий звук разрывов. Гранаты ложились точно по пристрелянным пунктам.

Раздались свистки и славные роты Каспийцев поднялись и вышли из окопов. Ружейный огонь из второй линии окопов усилился, справа застучал пулемет, один, другой. Люди кое-где попадали.

— Ваше Благородие, видите, пулемет правее цели № 2, это оттуда! Еще вчера его не было. Он стрелял во фланг наступающим Каспийцам, ряды которых редели. Цепи залегли. До австрийских окопов от них оставалось не больше 150-200 шагов. Нужно было спешить. Я сделал поправку.

— Два патрона! Беглый огонь! Три патрона! Беглый огонь! Трескотня пулеметная затихла, но ружейная пальба из дальних окопов еще более усилилась. Пули визжали по всем направлениям и с звучным щелканьем шлепались о деревья. Трудно, казалось, при таком обстреле поднять людей. Но вот, снова раздались свистки, команда, крики. Цепи поднялись.

— Два патрона! Беглый огонь! Три патрона! Беглый огонь! Беглый огонь! — Снаряды без перерыва проносились над нашей цепью и грохались. «Ура, а, а» раздалось дикое, порнзительное, оглушающее. Такой же неистовый крик рядом со мной на опушке — и от нее от-

делились и побежали новые цепи — роты резерва. Вот передние подбегают к окопам противника и занимают их. Я перенес огонь на вторую линию и дальний конец хода сообщения, где заметно большое движение. Казалось, вот-вот последует контр-атака.

— Три патрона! Беглый огонь! Беглый огонь! Батареи противника поняли, наконец, в чем дело и с бешенством повели огонь, впрочем, как всегда на «журавлях», по окопам, занятым нашими. Вторя им, откуда-то с тыла и с боков захлебывались пулеметы. Нашей пехоте предстояла следующая, самая трудная часть — овладеть второй линией. Справятся-ли?

— Гляньте, гляньте, Ваше Благородие, руки поднимают!...

В ближайшем конце хода сообщения виднелись поднятые руки; вот один выскочил на бруствер, за ним другой, третий... Целая толпа, на виду у наших и своих. Каспийцы бежали к ним и снова раздалось «ура».

Вдруг, вся вторая линия противника зашевелилась и из окопов, ходов сообщения и кустов выскочили люди и бросились... в тыл. Весь скат на громадном пространстве покрылся серо-голубыми фигурами.

— Прицел 50, трубка 50, два патрона, беглый огонь!

Снаряды рвались над головами бегущих. Часть из них попадала, часть повернула назад к окопам, остальные продолжали убегать. Через 15 минут бой окончился. Доблестные Каспийцы взяли несколько пулеметов, тысячи пленных, и продолжали наступление.

Это было началом крупной победы II-ой армии генерала Щербачева, которая своевременно подняла настроение наших войск и жестоко наказала «зазнавшихся австрийков».

Д. С.

« С У Л Т А Н »

Всем, кто, хоть немного, знаком с военным бытом, известно, что в каждой воинской части, будь это рота, эскадрон или батарея, общими любимцами были собаки. Наша батарея не являлась исключением — у нас было две: громадный чистокровный Сен-Бернар Лорд и его сын, плод жаркой любви с соседней дворняжкой, Султан, который удался весь в папашу, только был немного меньше.

Лорд держал себя всегда очень солидно, спокойно разгуливал по двору, заглядывал в конюшни, понапрасну не лаял, со всеми чинами был очень ласков, но у него был один недоста-

ток, от которого его с трудом вылечили — он терпеть не мог женщин! Заметив издали особу в женском одеянии, он считал это непорядком и со всех ног, с лаем, бросался навстречу и не позволял двигаться дальше. Правда, он ни разу никого не укусил, но напугал очень многих. Попытки отучить его от этой привычки не увенчались успехом. Наши дамы жаловались и просили посадить Лорда на цепь, но фельдфебель ни за что не соглашался лишить свободы своего любимца, обещая вылечить его своим способом.

Однажды во дворе появилась женщина в

длинном черном плаще. Увидев ее, Лорд, по обычаю, с лаем бросился к ней и был поражен, что она совсем не испугалась, а, выдернув толстую палку из-под плаща, несколько раз огрела его ею. Узнав в женщине переодетого фельдфебеля, чувствуя себя виноватым, Лорд терпеливо принял заслуженное наказание и только жалобно повизгивал. С тех пор он не обращал никакого внимания на дам, а если и видел их, то отворачивался, чтобы не соблазняться...

В отличие от Лорда, Султан бил очень легкомыслен, часто выбегал со двора, гонялся за велосипедистами, вступал в драку со всеми собаками — не нападал только на Лорда, вероятно, из почтения к родителю. Всех своих офицеров и солдат он великолепно знал и считал своим долгом к каждому подойти и по-собачьему приветствовать. По запаху он сразу отличал стрелков соседнего полка от своих кансников и не любил, когда кто-нибудь из них появлялся в нашем районе.

Перед погрузкой для отправки на фронт возник вопрос — что делать с собаками? Солдаты умоляли взять их с собой, а не оставлять чужим людям. Просьба была уважена. Решено было на фронте держать их при обозе. Но собаки решили по-своему: они удрали из обоза и, по следам, догнав батарею, радостно виляя хвостами, появились перед командиром, когда мы были уже верстах в 25 от обоза. Пришлось помириться с этим и взять собак на позицию...

К орудийной стрельбе Султан относился довольно равнодушно, Лорд же при первом выстреле скрылся в землянке и вышел оттуда только, когда все затихло. На другой день Лорд исчез. Искали его повсюду, но не нашли. Позднее мы узнали, что он прикомандировался к кухне Саперного батальона, где было безопаснее. Султан остался верен батарее и, даже будучи ранен в ногу, после перевязки, хромя, вернулся на позицию.

В январе 1915 года нас перебросили из Восточной Пруссии в Карпаты и мы оказались под Козювкой. Здесь каждый взводный командир получил самостоятельную задачу и батарея должна была разделиться. Один за другим, взводы отправлялись на свои позиции, а Султан растерянно смотрел и не мог решить, к какому взводу ему присоединиться. И когда двинулся последний взвод, он увидел, что ему ничего другого не остается, как пойти с ним... Этот взвод занял позицию в 22 верстах от меня. Мы были связаны телефоном.

Прошла ровно неделя, был понедельник. Погода была «артиллерийская» — туман настолько густой, что никаких наблюдений за противником не могло быть. Воспользовавшись этим, я не пошел на наблюдательный пункт, а

сидел у себя в халупе и занимался корреспонденцией. Услышав, что кто-то скребется, я открыл дверь и в тот-же момент Султан радостно бросился ко мне и чуть не свалил меня, лизнув в лицо. Я приласкал его, угостил сахаром. После визита ко мне он побежал на кухню, где в то время раздавали обед. Из соседнего взвода мне по телефону сообщили, что Султан пропал и очень обрадовались, когда узнали, что он у меня.

Точно через неделю, в понедельник, Султан покинул и мой взвод. Я думал, что он вернулся на свое первое местопребывание, справился по телефону, но оказалось, что он был уже на следующем взводе. Так он проделывал каждую неделю, меняя место и всегда в понедельник.

Вероятно, у него был свой собачий календарь!

Во время отхода из Карпат Султан был вторично ранен осколком в бок. Рана была серьезная, но ветеринар заботливо ухаживал за ним и вскоре он снова появился на позиции. Особенно радовало его, что вся батарея опять была в сборе — он бегал от орудия к орудью, старательно обнюхивая и ласкаясь к каждому канониру. Не меньше его радовались и солдаты, подкармливая его, чем только могли.

Несмотря на два ранения, Султан не боялся выстрелов. Во время обстрела батареи солдаты пытались скрывать его в землянке, но он не хотел оставаться в одиночестве и всегда был у орудий.

В одном из боев в Галиции Султан был третий раз ранен пулей в грудь. Он только взвизгнул и упал на бок. Солдаты подбежали к нему — истекая кровью он лежал и грустными, виноватыми глазами смотрел на окружающих... Перевязав рану, его бережно уложили в землянку. Когда кто-нибудь подходил к нему, он, как бы в благодарность, старался лизнуть руку. Никакие старания врача не помогали и на другой день жизнь Султана прервалась... Как это ни странно, но и потери в людском составе не производили на солдат такого сильного впечатления, как смерть их верного четвероногого друга. Не слышно было ни обычных острот, ни веселья — все как-то присмирели и молча исполняли свои обязанности.

Закопали Султана во время затишья на опушке леса, на нашей позиции. При этом присутствовала вся батарея. У большинства на глазах я видел слезы...

Покидая и эту позицию, солдаты, оглядываясь, с грустью прощались с маленьким холмиком, под которым вечным сном спал их любимец.

А. Космодель.

Военные училища в Сибири

(1918—1922).

Военные Училища в Сибири, 1918-1922 г.г., были создаваемы, жили и работали на основании учебной техники и практики, которые выработывались в течение войны 1914-1918 г.г. Поэтому, прежде чем кратко изложить их историю, необходимо упомянуть об этой технике и практике и их результатах.

Российская Армия вступила в войну 1914-1918 г.г. с составом в 105 пехотных дивизий, 18 стрелковых бригад, 36 кавалерийских дивизий — 2.500.000 чел. и в тылу — 208 зап. батальонов-полков и 118 бригад государственного ополчения — всего 2.000.000 человек. Эти новые формирования потребовали громадного количества офицеров, из коих 36.000 в строю. Призванных из запаса и отставки было слишком мало — немного больше — 50.000; так например, до войны 1904-1905 г.г. прапорщиков запаса производилось по 1.200 чел. в год. Поэтому были приняты спешные меры по обучению и выпуску новых офицеров в строй. К существовавшим 11 пехотным военным училищам, 5-ти кавалерийским и казачьим, 3-м артиллерийским и 1-му инженерному, были открыты еще 144 школы прапорщиков — двухротного состава и одно пехотное училище (в Ташкенте). Военные училища увеличили свой состав по размеру имеющихся помещений: так Александровское воен. училище — до 12-ти ротного состава, Алексеевское воен. уч. — 8-ми ротного, Новочеркасское — со 140 юнкорв до 300 и т. д.; Оренбургское казачье училище осталось при своем штате — 120 юнкеров. Курс и военных училищ и школ прапорщиков был установлен в 4 месяца для пехоты и 6 месяцев для специальных (артиллерийских и инженерных училищ).

В общей сложности, эти 166 военных училищ и школ прапорщиков, выпустили около 600.000 молодых офицеров, и все же, несмотря на это, офицерский состав был в постоянном некомплекте, так как, кроме больших боевых потерь, новые и новые формирования требовали массы офицеров: армия в 1917 году имела 228 пех. дивизий, 11 стрелковых бригад и 52 конных дивизии, состав коих дошел до 9 мил. человек при 320.000 офицеров, что показывает, что наши потери в офицерском составе превзошли все расчеты военной статистики, которая («Наука о войне» ген. Головина) дает норму убитых офицеров в 3 раза большую — в процентном отношении, чем солдат.

Сформированные школы прапорщиков были

разбиты на две части — одна подчинялась Гл. Упр. Военно-Учебн. заведений, вторая — Командующему военных округов. Комплектование также не было организовано по одной системе: в то время как одни прямо со школьной скамьи попадали в военные училища или школы прапорщиков, большинство проходило длинный и сложный путь: запасного батальона с 6-ти недельным обучением, затем «команды 30» — с двухмесячным обучением вольноопределяющихся в размере учебной команды или учебной команды с тремя месяцами обучения; затем назначение в маршевую роту, с этой ротой на фронт, пребывание в строевой части на фронте, затем по истечении 2-3 месяцев откомандирование в команду пополнения, пребывание в этой команде до 2-х месяцев, наконец, — школа прапорщиков или военное училище с 4-мя месяцами обучения.

Таким образом кандидаты в офицеры находились до производства на службе от 11-ти до 13-ти месяцев. В теории, они на практике знакомились со службой и обращению с людьми, обстреливались на фронте, а затем, в течение последних 6 месяцев, получали необходимое военно-техническое обучение. На деле же, для средней массы получалась скачка с препятствиями, которые надо было пройти. Поэтому многие и обходили стороной самый неприятный этап — фронтовую службу. Дитя оказывалось у семи нянек, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Каково было положение с этой стороны дела показывает доклад Дежурного Генерала Управл. военно-учебн. заведений — ген. Адамовича, напечатанный во второй половине 1916 года отдельной книгой, с пометкой «секретно» — «Об осмотре школ подготовки прапорщиков запаса» и разосланной для сведения и руководства всем командирам и курсовым офицерам военных училищ и школ прапорщиков. При осмотре каждой школы, указывались общие недостатки: большой процент командирюемых нижних чинов с фронта без боевого опыта, командирование ефрейторов и нижних чинов без прохождения учебной команды; нахождение в каждой школе по два десятка юнкеров без прав по образованию; командирование обозных нестроевых нижних чинов, командирование писарей; при «студенческом» (т. е. имеющем полное среднее образование) составе отмечается (1-я Петергофская школа 20-23 июня 1916 г.) «слабость физическая и малая культура»; в

3-й Московской (30 июня и 1-го июля 1916 г.) «студенческой» — .. «при взаимном обращении слышно, думается, значущее «товарищ»... при отсутствии данных для недоверия, среда их не дает решительных признаков твердости и надежности настроения, необходимых офицерскому составу»... — много юнкеров даже в строю носят пенсне (1-я Петергофская, 16 и 17-го июля 1916 г.), только Киевские школы прапорщиков, особенно 3-я, 4-я и 5-я оценены хорошо: ... «юнкера-студенты оказались более прирученными, нежели в школах Петроградского и Московского военных округов» — «принесение в дар школе очень хорошего портрета Государя Императора с Наследником одним из юнкеров, собственной его работы» — 4-я Киевская. Но 3 Одесские плохи: казарменная серость и убожество, неважная еда, клопы в кроватях; в 3-й Одесской — 5 офицеров не пошли на фронт. В хорошо оцененных Киевских — 3-й, 4-й и 5-й указывается, что кадровый состав — строевой и боевой, поэтому в этих школах — одежда отличная, еда хорошая, видна живость и втянутость в работу всего состава. Как правило, повсюду нищета и убожество в материальной части, вооружения, а часто и помещения: «... один пуд колючей проволоки... один пулемет... 20 ручных гранат... мало шанцевого инструмента...» отмечается во всех школах и только в 1-й Петергофской отмечено: — ...«Школа обеспечена оружием и пособиями блестяще»... При осмотре 1-й Ораниенбаумской отмечается: «... Площадь пола недостаточна... все классные занятия ведутся в спальнях, причём юнкера сидят частью на кроватях... Устройство двухъярусных нар, принятых в школах Омского и Иркутского округов, где школы наилучше оборудованы»... во 2-й Ораниенбаумской: ...«пища, судя по расписанию, скудная... обстановка стола тяжёлая, столовая тесна и грязна...». Хорошая работа Киевских школ прапорщиков особенно оттеняется неудовлетворительным составом пополнений школ из команды пополнения (28.7.1916): ... «обучение ведётся по 8-ми недельной программе... внешнее впечатление мало благоприятное — чрезвычайно развиты самовольные отлучки... подготовительная работа команды вызывает сомнение в ее успешности, в ней: а) назначенных с фронта 721 чел., б) из запасных частей 490 чел., со всех сторон ведётся в школы все негодное, ищущее не дела офицерского, а звания и избежания иной, солдатской доли... в офицерские ряды хлынула большая доля негодных людей, а неразумное покровительство стало им открывать путь...».

Каково же было качество офицеров прошедших свой обычный, в течение года, — длительный путь к офицерским погонам? Кавказский гренадер кап. Попов, в своих записках, так отзывался о нем: «... что касается лично-

го состава отправившихся маршевых рот, то офицерская его часть лучше всего характеризовалась тем, что по прибытии в действующие части всех молодых прапорщиков отправляли на дополнительные армейские курсы, где их основательно доучивали...». В дневнике ген. Будберга «упоминается такая школа, дается ее курс и указывается срок — 2 месяца». Таким образом, пройдя 7 различных инстанций, 7 разных начальников, подавляющая часть новых прапорщиков, — после 13-15 месяцев перекочевок из одних рук в другие, не получила нужного воинского воспитания и, по сути дела, являлась массой «с улицы», чья переработанная психология сохраняла в себе все влияния вредной в государственном отношении нашей программы средних учебных заведений.

Начиная с графа Толстого, когда в России был взят за основу «классицизм» — т. е. изучение древних языков — латинского и греческого, выходившие из средней школы были воспитаны на примерах древних римлян и греков, — образцовых республиканцев. Техническая часть программы — математики, физики, химии, естественных наук — строилась на сугубо материалистической основе. В истории — новой, — восхвалялись достижения французской революции. Таким образом в течение десятилетий — почти 45 лет — в России, в стране с монархическим направлением, шла открытая подготовка республиканской идеологии, которая охватывала всех, кто имел аттестаты зрелости. Противодействие этой идеологии было случайным, основанным только на историческом воспитании части населения — таковым было, например, настроение подавляющего числа кадет в кадетских корпусах, части казачества. Армия — офицеры — держалась за монархическую идеологию только на основании присяги, дисциплинарного устава и Свода положений о военнослужащих. Защитой монархической идеологии, ее преимуществ, — занимался только Корпус жандармов по долгу службы. Погром армии, который устроила ей, непониманием задач, первая Ставка — 1914-1915 года, вызвал в рядовой офицерской массе глухое возмущение и заставил ее прислушиваться к демагогии революционных заправил из Государственной Думы. Все это отзывалось на составе юнкеров. Поэтому то, когда в 3-й Московской школе прапорщиков (30 июня-1-июля 1916 года) — студенческой, — ген. Адамович задал вопрос, странный для нас теперь, — каково их мнение о суровости военной службы после ознакомления с ней на опыте, то услышал в ответ: — «... об этом надо еще потолковать между собою...», — что показывает на существование в ней какой-то организации.

Доклад ген. Адамовича указывает на политическую ненадежность состава юнкеров уже в

1916 году, поэтому вполне ясно и понятно исключительно пассивное отношение всех школ прапорщиков и военных училищ к подавлению февральского бунта 1917 года. Все действия революционных «военминов» — Гучкова и Керенского, отбили всякую охоту у начальников училищ и школ прапорщиков содействовать усмирению восстания большевиков 25.7.1917 года, вполне оправданного происшедшими позднее событиями, так как революционные начальники гарнизонов своими действиями — провокациями, — только подводили веривших им юнкеров под напрасные потери и естественные репрессии большевиков-победителей; в Петрограде ли — Полковников, в Москве ли — Рябцев, в Иркутске ли — Краковецкий, поступали совершенно одинаково: начав бой с большевиками, затем заключали с ними перемирие и соглашались на сдачу оружия, — разоружение, — о отсюда, — сдача на милость или немилость красных.

Как пример положения, бывшего тогда в военных училищах и школах прапорщиков во время октября 1917 года, из целого ряда боевых столкновений в Сибири — 1.12.1917 юнкеров в Омске, сотника Ситникова 3.12.1917 в Томске и 9-17.12.1917 года в Иркутске и т. д. возьмем наиболее крупное по числу участников — Иркутское, которое было и самым характерным по ходу действий и результату.

Октябрь 1917 г., — политически — борьба за власть двух революционных партий: с.-р. — стоявших у власти и с.-д. большевиков, получивших возможность претендовать на нее и захватить её.

Ц. К. партии с.-р. запрещал категорически своим организациям вооруженную борьбу с большевиками и выступления против красных производились по личному почину членов военной секции партии с.-р. — Соколова, Лебедева, Фортунатова, Краковецкого, Солнышкова и других. Поэтому-то, даже успешные боевые действия не давали никаких результатов, так как главари после перемирия разбегались и оставляли массу, шедшую за ними, на разтерзание озверелых победителей.

Из расположенных в Иркутске военного училища и 3-х школ прапорщиков отказалась выступить 3-я целиком, в военном училище и 2-х других отказчиков также набралось около 100 человек, которые были разоружены и находились во время боев на положении арестантов. В училище и школах прапорщиков была только половина штатного состава, так как незадолго до 9.12.1917 года был очередной выпуск молодых прапорщиков и налицо находился только младший курс, а нового пополнения не было получено.

Когда Иркутский совдеп потребовал разоружения училища и школ, то в них были со-

браны митинги для решения, — драться или подчиниться. Характерным оказалось и поведение большинства кадров: на 90 проц. они уклонились от всякого участия в событиях; поэтому юнкерам приходилось или становиться под команду случайных офицеров (напр., пор. Худякова — организатора захвата здания прогимназии, Гайдуга, сопротивлявшегося около понтонного моста и там же убитого 12.12.1917) или же выбирать себе начальников.

В какой мере прилагали свои руки к организации выступления пресловутый Краковецкий и полк. Скипетров не очень ясно, но на них лежит вина за такой пропуск — как уход 3-х запасных батарей с 18-ю орудиями на сторону красных, вследствие чего юнкера оказались в крайне невыгодном положении, имея только два десятка пулеметов и два, три бомбомета. Всеми операциями управлял комроты 2-ой школы — полк. Лесниченко.

Таким образом против запасных полков — 9-го, 11-го и 12-го, укомплектованных в значительной части бывшими ссыльно-каторжниками и присоединившимися к ним 4.000 рабочими Черемовских копей — всего приблизительно 20.000 человек, оказалось около 800 юнкеров и сотни-полторы добровольцев.

Иркутский казачий дивизион оплел свои казармы проволокой и заявил о своем нейтралитете.

Как известно, в то время как юнкера захватили большую часть города, развивали наступление, теснили красных и дальше, Краковецкий и Скипетров, на девятый день боя, заключили трехдневное перемирие, затем согласились разоружиться и распустили участников боев.

В этом случае все характерно: подбивание из-за кулис эсерами юнкеров на выступление, уклонение кадра училищ и школ прапорщиков от руководства юнкерами и событиями и, наконец, боевая настроенность юнкерской массы, готовой идти на бой в почти совершенно безнадежной обстановке, не имея никакой руководящей и ясной цели.

Это настроение юнкеров нельзя считать за защиту своих военно-профессиональных интересов: при посещении 6-й Московской школы прапорщиков (4-6 июля 1916 г.) генерал Адамович задал вопрос — кто предполагает остаться на военной службе после окончания войны — утвердительных ответов последовало только 5 проц.

Выступление Иркутских юнкеров было общим отзвуком на действия, практику и идеологию большевиков, шедших к власти не только силой, но и путем массовых совершенно бессмысленных и ненужных жестокостей; юнкера — как представители части Российского населения — инстинктивно противились превраще-

нию России в базу — человеческую и материальную — мировой коммунистической революции.

Эти настроения начали проявляться позже среди всего населения части России, — на восток от Волги, когда, начиная с февраля 1918 года, вспыхнувшие восстания — в Оренбургской губернии, в Прикамье, на Урале, в Семиречье и т. д. — получили организующее ядро в виде выступления корпуса чехословаков.

Когда вставшие были организованы в русские воинские части и создались фронты, то, во всей остроте, встал вопрос о пополнении убывающего в боях офицерского состава, а поэтому самотеком, в разных местах стали открываться военные училища.

По времени открытия училища были созданы:

1. Оренбургское Казачье военное училище — от августа 1918 года.

2. Хабаровское военное училище — 18.10.1918 г.

3. Читинское, Атамана Семенова, военное училище — 14.11.1918 г.

4. Школа Нокса (Русский Остров — Владивосток) — ноябрь 1918 г.

5. Инструкторские школы:

а) Екатеринбургская;

б) Челябинская;

в) Томская;

г) Иркутская (начало апреля 1919 г.);

д) Тюменская.

6. Морское военное училище во Владивостоке — ноябрь 1918 г.

7. Челябинская кавалерийская школа — май 1919 г.

8. Омское артиллерийское военное училище — 1.6.1919 г.

9. Омское артиллерийское техническое военное училище — 1.6.1919 г.

10. Юнкерская сотня Уральского Каз. Войска — июль 1918 г.

11. Иркутское военное училище — 1919 г.

12. Корниловское военное училище — октябрь 1921 г.

Собранные сведения о части военных училищ дают ясную картину их работы, жизни. О других имеются только их имена, отрывочные данные, — по участию в боях; что, напр., представляла собой юнкерская сотня Уральского Каз. Войска, — судить очень трудно, так как единственным указанием на ее существование является случайно оброненная фраза в книге ген. Толстова «От красных лап в неизвестность» о ее гибели 20.12.1919 г. при внезапном нападении Алаш-Орды, причем только упоминание, что ее начальником был ген. Мартынов, позволяет предполагать, что это было военное училище.

Мысль о сборе материала и первые данные принадлежат инженеру Е. А. Леонтьеву — бывшему юнкеру Омского артилл. училища. Остальной материал собран мной от бывших юнкеров и офицеров существовавших училищ. Некоторые, — напр. сотник Красноусов, автор книги «2-я батарея», давали сведения весьма обстоятельно и охотно, другие давали ответы отрывочно, скупое, стараясь остаться анонимами, неохотно, враждебно.

Как бы то ни было, но кое-какие данные, — пусть и скудные — собраны и страница прошлого написана, которая, возможно, пригодится при формировании Российской Национальной Армии после свержения коммунизма в России.

Изложение истории военных училищ будет дано хронологически, по времени их возникновения.

Справка к общей части. — Николаевское кав. училище имело ускоренные выпуски: в 1914 году в корнеты после 14 месяцев обучения, в прапорщики — два по 4 месяца, один в 6, один в 8, дальше в один год с производством в корнеты. Это было возможно потому, что хотя наша кавалерия и дралась доблестно — и в пешем и в конном строю, но не имела таких потерь, как пехота, сменившая от 4 до 11 комплектов людей, а потому и могла увеличить курс воен. училищ.

Уральская Школа Прапорщиков.

Уральская школа прапорщиков была сформирована в августе 1918 года для подготовки смены офицерского состава из числа лиц, имеющих права вольноопределяющихся 1 и 2 разрядов. Первоначально, состав школы состоял из сотни, пехотной роты, пулеметной команды и взвода артиллерии. Срок обучения, вначале, был установлен в 8 месяцев, но, позднее, обстановка изменила все предположения и потому два выпуска, которым, еще юнкерами, пришлось больше быть в боях, чем учиться, не име-

ли точного времени курса.

Вначале, до оставления Уральска, в январе 1919 года, школа размещалась в войсковой столице, затем она была прикомандирована к штабу армии. Комбриг Кутяков, в своей книге о пресловутом Чапаеве, упоминает об участии школы в боях под станицей Сломихинской в начале марта 1919 года, когда было остановлено продвижение на юг 22-й советской дивизии и фронт стабилизировался.

Ведал формированием школы и ею коман-

довал полковник Исаев, который, позднее, сдал ее полковнику Донскову.

К концу 1919 года, в Школе осталось только сотня и пулеметная команда. Юнкеров числилось — 30, из которых часть была в тифу.

Школа принимала участие в боях при сдаче Уральска красным, когда был смертельно ранен герой Уральского Войска генерал Матвей Филаретович Мартынов, бывший в это время с юнкерской сотней, которой командовал тогда есаул Мясников. После падения Уральска, в момент полного упадка, охватившего казаков, атаманом был выбран генерал В. С. Толстов, который при помощи юнкеров сотни разогнал митинг, созданный казаками для переговоров о сдаче, и приказал есаулу Яганову с юнкерами расстрелять главарей. Таким образом, и здесь юнкера удержали в порядке казачью массу, готовую еще раз поверить красным де-

легатам и разойтись, распылиться по домам, где бы их, как и год назад, переловили бы по одиночке и порасстреляли.

Школа отходила, пешим порядком, с армией из Гурьева по пустой и голодной Прикаспийской степи, в пургу и морозы. В поселке Прорва, большая часть казаков решила сдаваться красным. Начальник пулеметной команды Школы есаул Карташев, взяв с собой желающих и могущих итти 2 офицеров, 4 казаков и 5 юнкеров, Войсковое Знамя и 4 пулемета, ночью двинулся на форт Александровск, куда спустя месяц и дошел благополучно. Начальник Школы полковник Донсков, большой тифом, и помощник Атамана по хозяйственной части генерал Мартынов — были, в числе других, расстреляны красными.

Сведения даны Начальником пулеметной команды Школы есаулом Карташевым.

Оренбургское Казачье Военное Училище.

Оренбургское Казачье военное училище было основано в 1890 году, со штатом в 120 юнкеров, для подготовки офицеров во все казачьи войска, за исключением Донского.

С началом войны 1914-1918 г.г. училище перешло на 4-хмесячный курс обучения. В августе 1914 года училище было дублировано пехотной школой прапорщиков, размещенной в здании Оренбургской мужской гимназии на Николаевской улице. После событий 1.12.1917 г., школа прапорщиков, т. е. ее старший курс, — примерно 200 юнкеров — демобилизовалась и от нее осталось только 20 юнкеров под командой поручика Студеникина.

Последний набор юнкеров 1917 г. в сотню Оренбургского казачьего воен. училища был усиленным, поэтому к октябрьским событиям училище имело 150 юнкеров — 60 на старшем и 90 на младшем курсе. С конца октября занятия прекратились, так как юнкера несли караульную службу в банках, на складах, в арсенале и т. д.

При обозначившемся наступлении на Оренбург красных под командой Кобозева, 23.12.1917 года, 24 декабря 64 юнкера были спешно двинуты на ст. Каргала (первая ж.-д. станция на запад в сторону города Бузулук), на которой уже было несколько мелких партизанских отрядов, составлявших фронт против красных.

25.12.1917 г. приехавшие юнкера выгрузились и двинулись сначала в село Павловку, откуда перешли в станицу Донецкую. Это движение создало угрозу обхода красных, так как все разъезды и следующая за ст. Каргала — ст. Сырт были в руках красных. 26.12.1917 г. красные повели наступление на ст. Каргала, но были отбиты, хотя и обстреливали ее из орудий,

поставленных на платформах, и многочисленных пулеметов. Прибытие юнкеров в станицу Донецкую подняло дух казаков, и станичная дружина перешла к активным действиям. В ночь на 27.12.1917 г. юнкера, вместе с казаками ст. Донецкой, разобрали путь в тылу красных и обстреляли ст. Сырт с тыла. Поэтому красные стали спешно отходить назад, обстреляли, при откате, ст. Донецкую из артиллерии и ушли дальше на станцию Новосергиевку. После того как к нашим прибыло одно орудие из Каргалы. 28.12.1917 г., наши двинулись дальше и заняли станцию Переволоцкую, станицу Мамалеевскую и остановились на ст. Платовка, так как дальше границы Войска казаки не пошли и фронт закрепился на ст. Мамалаевской.

4.1.1918 г. юнкера на фронте были сменены другими, а бывшие на фронте поздней ночью 5.1.1918 г. вернулись в училище. После первых успехов казачьи дружины разошлись по домам, а красные, подтянув новые силы (800 матросов с «Гангута»), — 14.1.1918 г. повели наступление, которое сотне юнкеров и добровольцев партизан не удалось сдержать. Что произошло на фронте и в Оренбурге 17.1.1918 г. требует отдельного разбора. Из 64 юнкеров, бывших на фронте, 12 вернулись в училище перед самым его выступлением на Илецк. Остальные остались в тылу у красных и частью погибли, частью успели разойтись по домам. Атаман Дутов с комендантом станции Оренбург пор. Румянцевым успел выскочить из города на случайно захваченном извозчике. В первой станице к ним присоединилось еще 6 молодых офицеров: 8 человек, двинувшиеся на Верхне-Уральск после падения Оренбурга, было все, что осталось от фронта, хотя бы и в кавычках.

Оренбургское военное училище и отряд полк. Студеникина — остатки Оренбургской школы прапорщиков, — двинулись на Илецк — в пределы Яицкого войска. Здесь был произведен выпуск старшего курса в хорунжие, которые разъехались по своим войскам. За ними разъехался и младший курс, так что осталось только 20-25 юнкеров и добровольцев, задержавшихся около кадра училища.

Восстание, начатое 23.2.1918 г. в поселке Буранном, возглавленное хорунжим Петром Чигвинцевым, расширилось позже по всей области Оренбургского войска. Выступление чехословацкого корпуса 25.5.1918 г. расширило и связало воедино казачьи, крестьянские и рабочие восстания Поволжья, Урала и Сибири.

17.6.1918 г. Оренбург был освобожден казачьими частями, под командой войскового старшины Красноперцева. К началу июля кадр училища с бывшими при нем юнкерами и добровольцами вернулся в Оренбург.

Июль 1918 г. прошел в организационной работе — выяснению, что осталось от имущества после хозяйничанья красных. В августе 1918 г. был объявлен набор и прием в училище новых юнкеров. Обстановка требовала расширения училища, так как на восток от Волги оно было единственным военным училищем. Поэтому, при сотне 75 юнкеров, был еще сформирован эскадрон, — 75 юнкеров, пехотная рота — 120 юнкеров, полубатарея — 60 юнкеров, инженерный взвод — 80 юнкеров.

Хозяйственная часть справилась с обмундированием, и юнкера были одеты в форму — защитные рубахи, синие галифе и кожаные сапоги, хотя форма была грубо сшита.

На вооружении оказались: трехлинейные винтовки, шашки, пики, 3 пулемета разных систем, для обучения, и 2 трехдюймовые пушки.

Личный состав был укомплектован как окончившими в 1918 году средне-учебные заведения, так и юнкерами военных училищ и школ прапорщиков, не закончивших обучения из-за разыгравшихся событий. Командный состав: ротой командовал кавказец полк. Петров, батареей — полк. Мякутин, мл. офицеры есаулы Горохов и Новишков, в эскадроне были шт. ротмистры кн. Трубецкой и Махнин, сотней командовал есаул Баженов, фамилий остальных не удалось установить.

Курс обучения был установлен в один год. Попыток увеличить боевую силу училища созданием обще-образовательного курса не было сделано, а эта мера могла бы довести состав училища до тысячи человек. Возможно, что действовала обстановка, так 1-я армия Тухачевского, наступавшая на Оренбург зимой, имела 120.000, а оборонявшаяся Оренбургская всего 10.000 человек.

С политической стороны училище прочно

обеспечивало власть: когда в ночь на 2-ое декабря 1918 г. возглавитель Башкурдистана Валидов попытался поднять восстание, то оно было сорвано только наличием в городе училища.

Занятия и жизнь училища в Оренбурге шли нормально и строго по уставу. Эта рабочая жизнь была нарушена слабостью Оренбургской армии, не смогшей отстоять города от красных. В середине января — по новому стилю — была начата эвакуация города. Училище было разбито на два эшелона: первый — сотня, эскадрон и инженерный взвод, второй — рота и полубатарея, вместе с 10-м Оренбургским казачьим полком*) позже. При сборе второго эшелона на Форштадтской площади произошел характерный для того времени инцидент: казачий полк замитинговал — уходить или оставаться? Участник того момента — сотник Красноусов — отметил: «если бы казаки решили остаться, то мы попали бы в руки красных».

Орудия полубатареи были поставлены на сани-платформы, с сидениями для номеров. Платформы не годились для движения по глубокому снегу оренбургской степи, поэтому на походе полубатарея отстала вначале в хвост колонны, а затем осталась одна. К обеду, выбиваясь из сил, полубатарея прошла станицу Сакмарскую, в которой шел бой. По окончании боя какие-то казачьи части вышли на дорогу и ушли вперед. Положение стало серьезным: с боку находился поселок, занятый красными, а орудийные упряжки и обоз стали, так как лошади выбились из сил. Тогда полк. Мякутин приказал бросить часть обоза, осведившихся лошадей впречь в уносы, и только тогда смогли пройти мимо занятой красными станицы **Сакмарской**. Так шли до поздней ночи, пока лошади не стали окончательно в полумерсте от какой-то заимки. Пушки и обоз были оставлены на дороге, а голодные юнкера ушли спать по хатам. На утро пушки и обоз были запряжены и полубатарея двинулась вперед. В первом поселке вошли в связь с оренбуржцами и уже спокойно продолжали поход. Через два дня было приказано сдать орудия казачьей батарее; дальнейший поход до станции Полтавской, где грузились на поезд, был проделан быстро и легко.

На путь до Иркутска потребовался почти месяц. Во время пути в эшелоне вспыхнула эпидемия тифа, и часть юнкеров лежала в бреду. При проезде через Омск училище представлялось адмиралу Колчаку.

По прибытии в Иркутск, у начальника училища произошло несколько скандалов с комендантом города ген. Сычевым, который, где только было можно ставил училищу палки в коле-

*) Точно не установлено — возможно, что и 14-ый.

са, напр., в организации довольствия, настаивая на том, что юнкера и могут, и должны обходиться солдатским пайком. Необходимо отметить, что ген. Сычев в мирное время, за свои красные убеждения, был отчислен от лейб-гвардии Сводно-Казачьего полка.

В Иркутске училище было размещено в казармах артиллерийского дивизиона, на Первушиной Горе. Оборудование помещений, классов, спален и столовой было удовлетворительным, только в столовой не хватало личной посуды — тарелок, поэтому суп ели, по армейской старинке, из медных бачков на пять человек. Во время обеда и ужина в столовой играл салонный оркестр из 6 пленных австрийцев. Еда была хорошая, хлеб — белый.

Подготовка и сдача репетиций велась по учебникам, вывезенным из Оренбурга и по запискам, которые велись во время лекций. Материальная часть полубатареи изменилась — вместо сданных на походе орудий образца 1902 года было получено 4 клиновых пушки, с которыми и проводились занятия. Сотня, эскадрон и полубатарея имели для конных занятий 30 лошадей, сиротливо стоявших в отличных и огромных конюшнях; поэтому, только конные учения велись посменно.

Для строевых занятий окраинное положение училища было благодеянием, отмечает сотник Красноусов: «огромный казарменный двор, прекрасный полигон поблизости и «Чистое поле» в сторону деревень Большая и Малая Разводная, — на реке Ангаре, — давали огромные преимущества при занятиях в поле. Однако, в отпуск и из отпуска приходилось ходить группами, так как район был красный...»

Вспоминая училищную жизнь, сотник Красноусов указывает: «...жизнь в училище была «потугой» на прежнее: юнкера, хотя и однообразно, но были одеты плохо, жизнь и занятия шли размеренно и строго, по уставу, кроме воскресений, когда частенько выезжали на прогулку лошадей по Ангаре, — это был своего рода пикник. Май-июнь 1919 года были посвящены усиленным занятиям в поле, на полигоне, топографии и окопному делу. В последних числах июня, полубатарея была переведена на станцию Михалево, где получила во владение орудия и лошадей от запасной батареи и провела экзаменационную стрельбу из 3-х-дюймовых пушек. 2-го июля стрельба была спешно закончена, ночью нас вернули в училище, а 3-го было производство в подпоручики, хорунжие и корнеты...» При производстве были выданы подъемные — 2800 рублей и огромные пистолеты Кольта без кобуры. Переменив юнкерские погоны на офицерские, 5-го июля молодые офицеры спешно отправились по местам своего назначения.

Новый прием юнкеров начал свои занятия по

отъезде молодых офицеров. Так как выпускные уехали в своем обмундировании, то строй молодых юнкеров запестрел — шинели теперь были и русские и японские, часть была в полушубках, то же самое и с сапогами, — были и русские и японские, даже часть винтовок была переименована на японские, несмотря на то, что в цейхгаузе Иркутского казачьего дивизиона было 5000 винтовок. Из 4-х орудий только одна трехдюймовка была в порядке, трех других никак не могли починить. Жизнь в училище продолжала идти своим чередом и новый выпуск, ускоренный, намечался в январе 1920 года.

В начале декабря месяца был произведен 3-й прием юнкеров. Училище было в некомплекте и насчитывало: в сотне — 100 юнкеров, в эскадроне — 70, батарея — 100, в пехотной роте — 80 и в инженерном взводе — 50. Новый прием начал занятия 15. 12. 1919 г.

24. 12. 1919 г., в 6 часов вечера, когда юнкера мылись в бане, началось восстание в Глазкове. Установить точно, что делали части училища от 26. 12. 1919 г. до 5. 1. 1920, не удалось. Например, сотня под командой есаула Баженова 27. 12. 1919 г. была выслана к гостинице «Модерн», где размещалось правительство, откуда вышла для очистки от красных 1-ой мужской гимназии, но нашла ее пустой, со следами боя. Затем сотню вернули обратно в «Модерн», где разместили в ресторане. Голодные и промерзшие юнкера попросили их накормить, однако в ужин было отказано и только, после переговоров есаула Баженова с заведующим рестораном возмущенным юнкерам дали чай. Негодование юнкеров усиливалось тем, что члены правительства и служащие его жили весело и пьяно, в ресторане было много дам, смахивавших на явных шансонеток. Сюда в «Модерн» явились два юнкера, бывшие в отпуску, — один из них — племянник капитана Калашникова, — главного бунтовщика в Иркутске. Эти отпускные, одетые во все новенькое обмундирование, принялись агитировать за переход на сторону красных, указывая в качестве аргумента на хорошее отношение к ним эсеров, тепло, хорошо и щегольски их одевших. Целый час их молча слушал есаул Баженов, а затем приказал арестовать и отправить в училище; на другой день изменники были расстреляны в овраге за училищем.

После ночевки в ресторане «Модерн», сотня принимала участие в боях за старое здание Иркутского кадетского корпуса — на площади и по Граф Кутайсовой улице, при захвате штаба восставших на Солдатской улице. В этих боях юнкерам приходилось туго: стояли свирепые предкрещенские морозы, а вести бои и нести службу приходилось в кожаных сапогах — хозяйственная часть не выдала юнкерам валенок, находившихся в цейхгаузе; не заботи-

лась и о их довольствии на фронте. Эту задачу, однако, выполняли Оренбургские институтки и Иркутские гимназистки, самоотверженно приносившие юнкерам еду от себя, под огнем красных.

Годная для стрельбы пушка была с Первуюшиной горы по красным: юнкера, в боевой обстановке, производили стрельбу не по надуманным задачам, а по требованию боевой обстановки. То, что пушка была одна, весьма снижает высокопарные рассуждения ген. Жанена о запрещении им стрельбы по Военному Городку и Глазкову.

По возвращении сотни в училище, начальник училища ген. Слесарев собрал всех юнкеров и сообщил, что явно пьяный ген. Сычев приказал сделать десант на катере «Св. Николай» на станцию Иркутск, укрепленную в сторону города поездными составами, под которыми были укрытия из мешков с землей. Ввиду неисполнимости этой задачи, ген. Слесарев предложил послать в обход Глазкова около 80 юнкеров — пехотной роты и сапер, что и было выполнено. Эти юнкера приняли участие в атаке вместе с семеновцами; атака была отбита огнем 2-х чешских пулеметов из тыла, при этом около 20 юнкеров было убито.

4.1.1920 года две роты семеновцев, бывшие в городе, получили приказание отходить, приблизительно около 18 часов. Возле училища они стали на привал, и их командир предложил ген. Слесареву уходить вместе. Так как к эвакуации ничего не было подготовлено, то начался сбор подвод, собирать которые были отправлены наряды юнкеров. Часа через три было их пригнано около трех десятков; на них начали погрузку всего необходимого и вещей семей кадра. Сбор семьями своего скарба задерживал выступление, и семеновцы пошли одни на село Лиственничное. Видя, что сбор скарба семей губит училище, командиры взводов эскадрона шт.-ротмистры кн. Трубецкой и Махнин предложили своим юнкерам выступить немедленно, что и было ими выполнено.

Выступление училища произошло после 11 часов ночи. Колонна растянулась на полторы версты, впереди ехал ген. Слесарев. Дорога шла по берегу Ангары. Слева от дороги тянулся глубокий лог. Верстах в 2-х от училища из этого лога неожиданно выскочили иркутские казаки, началась была стрельба, колонна остановилась и смешалась, но вскоре от начальника училища прискакал связной с приказом прекратить сопротивление во избежание потерь среди семей. Колонна повернула и под конвоем красных пошла обратно в училище, которое было окружено как иркутскими казаками, так и солдатами 53-го полка. Оружие было с юнкерами.

Войдя в училище, юнкера увидели, что рабочая команда, — австрийцы, пытались взломать дверь цейхгауза, выходящую в столовую. Австрийцы были разогнаны и юнкера сами открыли цейхгауз, который был переполнен синим и зеленым сукном, полушубками, валенками, словом все тем, в чем так нуждались юнкера. Запасы цейхгауза были разыграны юнкерами.

Утром 5.1.1920 года пришли представители эсеров и потребовали сдать оружие, что и было выполнено в спальнях. Четыре дня юнкера были в училище, а затем их под конвоем отвели в Иркутское военное училище.

В этом здании отношение эсеров к пленным юнкерам было самое отличное: кормили очень хорошо, по старому играл оркестр за обедом и ужином, было выдано по два комплекта нового обмундирования, выход в город по увольнительным запискам — без всяких ограничений. Желающие могли строем совершать прогулки, — впрочем, таковых не оказалось, — прислуга попрежнему были пленные австрийцы. Такое отношение продолжалось до боя у станции Зима — 2.2.1920 г.

Перед боем у ст. Зима к оставшимся 250 юнкерам обоих училищ — из 800 — пришла комиссия Соколова из 10 человек (Соколов — красный комендант города). Все были собраны в главный зал и здесь Соколов весьма вежливо указал на хорошее отношение к пленным юнкерам, предложил помочь в обороне города от каппелевцев у ст. Зима. Представители юнкеров попросили разрешения в течение получаса обсудить это положение самим, без присутствия комиссии. Наедине представители указали, что драться с каппелевцами не рука: ведь там свои близкие люди. Комиссии было заявлено о категорическом отказе выступить, а власти вольна с ними делать, что угодно.

Соколов согласился с доводами, пожалел об отказе и предложил в течение 4-х дней разойтись по иркутским частям, а кто останется после этого в здании и дальше — пусть пеняет на себя. Однако, уже на третий день, даже не дав пообедать, всех оставшихся в здании спешно угнали в пересыльную тюрьму. В тюрьме юнкера были предупреждены, что в случае штурма города, они будут перебиты. 7.2.1920 г. красные ушли из города, в пустой Иркутск привезли в госпиталь много тифозных и обмороженных каппелевцев; при подходе советской бригады Грязнова 3.3.1920 г. им предложили, — кто мог двигаться, — разбегаться и скрываться.

Последнее, о чем можно упомянуть, — судьба ген. Слесарева: вначале его поставили работать в пекарню — рубить дрова и носить воду, затем он был отправлен в Омск и назначен начальником школы курсантов комсостава. После

первого выпуска курсантов в марте 1921 года, во время полыхавшего восстания Западной Си-

бири, был арестован и расстрелян по обвинению в связи с повстанцами.

Хабаровское Атамана Калмыкова Военное Училище.

Хабаровское военное училище было основано 18.10.1918 года, для окончивших кадет Хабаровского кадетского корпуса, выпускных Хабаровского реального училища и молодежи отряда атамана Калмыкова. Вначале военное училище именовалось школой. Первым начальником училища был директор Хабаровского кадетского корпуса ген. майор Никонов, его помощником полк. Грудзинский, позже ставший начальником училища.

Училище размещалось и довольствовалось в Хабаровском кадетском корпусе. Форма училища была — зеленые защитные рубахи, синие шаровары с желтым, уссурийским, лампасом, папаха и зеленые шинели. На вооружении юнкеров были русские трехлинейные винтовки и шашки.

Имелись и все учебные пособия. Конский состав был в комплекте. Курс училища был установлен в полтора года. По роду оружия училище было кавалерийским. Особенностью училища был его нелегальность — до инспекции ген. Хорвата в августе 1919 г., только после этого оно было признано адмиралом Колчаком, и первый, ускоренный, выпуск дал молодых хорунжих в части на Урале, на Амуре и в отряд атамана Калмыкова.

Вследствие последнего условия, первый прием имел только 22 юнкера, закончили курс 21, а один был исключен за проступок в нетрезвом виде. Второй прием имел уже 80 юнкеров, а, кроме того, были сформированы артиллерийские курсы — 60 юнкеров под командованием полк. Грабского. Курсы своей материальной части не имели и изучали ее при артиллерии отряда.

Когда в ноябре 1919 года 4 китайские канонерки пытались, в нарушение русско-китайского договора о плавании по рекам Амур и Сунгари, самовольно пройти в Сунгари, то были встречены орудийным огнем отряда атамана Калмыкова у Хабаровска. После 6-ти часового боя одна канонерка была потоплена, после чего остальные ушли обратно в Николаевск на Амуре. В этом бою юнкера принимали самое деятельное участие.

14.2.1920 года наши войска принуждены были оставить город Хабаровск. Двинулись в поход на юг по реке Уссури: военное училище, отряд атамана Калмыкова, морская рота под командой контр-адмирала Безуара, верные уссурийские казаки, часть офицеров и солдат 36-го полка и беженцы. Выступившим пришлось

пробивать дорогу с боем под станицами Казакевичи, Невельской и поселком Чиркино, но у пос. Куколевского окружение стало таким тесным, что пришлось отходить за китайскую границу. Отход по Китаю был невероятно тяжелым: при наступивших морозах пришлось идти четыре дня по снежной пустыне, без дорог и жилья. Всей группой командовал ген. Суходольский. Положение осложнилось разногласием командования: ген. Суходольский настаивал на прорыве с оружием в руках в Харбин — около 400 верст. Контр-адмирал Безуар — на сдаче оружия китайцам. В результате произошло разделение: ген. Суходольский с частью людей пошел на Харбин, а контр-адмирал Безуар — к ближайшему большому китайскому городу Фугдину на реке Сунгари. В отряде было очень много обмороженных, два юнкера, например, замерзли на смерть. Китайцы при первой же возможности арестовали атамана Калмыкова. Ген. Суходольский со своими людьми ушел на Харбин. Оставшиеся — обмороженные и здоровые, но истощенные люди оказались одни в Фугдине. В каких условиях жили люди показывают хотя бы операции обмороженных: ампутации производились под «соловья», то есть фельдшер, приготовив инструменты, командовал: «запевай!». Человек шесть кидались на больного и держали его, а остальные начинали лихо петь, с присвистом, соловья, который продолжался до конца операции. Кто мог и хотел, — имел деньги или вещи для продажи, или просто шел на авось, — бежали в Харбин. Кто остался, тот был арестован китайцами, отправлен под конвоем по льду Сунгари в станицу Михайло Семеновскую на реке Амур. Там их передали красным, которые их зверски замучили. Полк. Грабский был старшим офицером из преданных. Больные и оперированные дождались в Фугдине навигации и на пароходе были перевезены в Харбин.

Заканчивая, надо сказать несколько слов об атамане Калмыкове. Никто из вождей белого движения не имел такой плохой славы, как он. Если бы этим занималась красная пропаганда, то было бы понятно. Гораздо сложнее дело с воспоминаниями с нашей стороны. Характерным для Сибири является то, что во главе всех наших организаций тогда не было ни одного генерала. Отсюда естественная неприязнь к тем, кто оказывался во главе действия. Атаман Калмыков, понятно, был повинен в таком, напр., деле, как

убийство полковника Февралева — соперника на атаманскую булаву Уссурийского казачьего войска. Но его поведение — отказ от комфортабельного переезда в поезде в безопасное место под охраной японцев, как выехал, напр. штаб Приамурского военного округа. И поход с отрядом, под командой старшего начальника ген. Суходольского, вызывает к нему симпатию. Попав в китайскую тюрьму, он не верит в международные законы, в их незыблемость, а при первой возможности бежит из нее. Большой скрывается в доме русского консульства в Гирине, но, кем-то преданный, обнаруживается китайскими жандармами — китайцы перестали стесняться с экстерриториальностью наших дипломатических учреждений в Китае —, 25 августа увозится ими и после этого исчезает навеки.

Характерно, что только случайно спасшийся от ликвидации коммунист В. Голионко, сидевший в вагоне смертников в Хабаровске и написавший книгу о тех временах «Годы борьбы», ни слова не говорит о расстрелах невиновых: все, кого ликвидировала хабаровская разведка, состояли в организации красных и, следовательно, получили заслуженное ими.

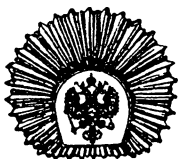
Все это рисует атамана Калмыкова в другом виде: честного и беспощадного врага красных, чьи ошибки и прегрешения были не больше и не меньше ошибок и прегрешений других возглавителей того времени.

Сведения даны юнкером Савицким.

(Продолжение следует)

А. Еленевский

Соприкосновение с армией

В 1912 году приказом Главного Управления Военно-Учебными Заведениями выпускные кадеты задерживались после сдачи экзаменов на 4 недели для строевых занятий при общем войсковом лагерном сборе частей своего гарнизона. В дополнение к приказу было разъяснено, что мера эта направлена не столько на строевую подготовку кадет, что ждало их еще в Военных Училищах, сколько на ознакомление с полевой жизнью войск, распорядком жизни, укладом быта и т. д. Это разъяснение открывало Директорам известное поле инициативы, которая могла бы проявляться сообразно местным условиям.

В этом, 1912 году шла война между Турцией и балканскими славянами — Сербией, Болгарией и Черногорией. Война для Славян была победоносна и их войска стояли уже на аталджинских позициях, откуда последним ударом открывался путь в Константинополь. Эта военнополитическая ситуация открывала для России соблазнительную возможность вмешательства в войну, которая могла бы привести к решению исторической задачи — овладению проливами. Старый лозунг — «Крест на Святую Софию» снова стал национальным символом, находящим широкий отклик в патриотических кругах. Одесский Военный Округ, включаю-

щий в себя 7-й и 8-й армейские корпуса, расположенные в бассейне Черного моря, был частично мобилизован и в войсках началась подготовка к десантной операции, в тесном контакте с Черноморским флотом.

Как известно, усилиями мировой политики, сохранявшей так наз. «Европейское равновесие» и всегда враждебной России, таковое вмешательство было не только остановлено, но и Балканские союзники были поссорены между собой, вследствие чего между Болгарами и Сербиями возгорелась война. Прямым последствием ее было выступление Болгарии через 2 года против России на стороне Центральных держав.

В эти дни «боевые» настроения кадет были особенно приподняты и из Одесского корпуса было немало попыток бегства на войну. Все эти обстоятельства, в связи с подготовкой войск к военной операции, помешал в первый год точно привести в исполнение приказ Главного Управления. Однако приказ все-таки надо было исполнить. И он был исполнен самым неожиданным образом. После сношения со Штабом Командующего Черноморским флотом, кадетская рота была погружена на пришедший специально за нею минный крейсер и отправлена в Севастополь. Кадеты видели все эскадренные эволюции флота, артиллерийскую и минную стрельбу и т. д. Наконец, на шлюпках были высажены «десантом» около Балаклавы, откуда

походным порядком прошли до Севастополя. Посетили Инкерман, древний Херсонес, с его раскопками, замечательный по живописности Георгиевский монастырь и обошли всю линию «Обороны», с ее знаменитым Малаховым курганом. Очень сильное впечатление произвела Панорама обороны, работы знаменитого Рубо, на Историческом бульваре на 4-м бастионе. Ночевали эти дни на крейсере и на нем же были доставлены обратно в Одессу.

В 1913 году на правом фланге лагерного сбора Одесских войсковых частей уже был выстроен специальный барак, и кадеты включились, наравне с войсками, в армейскую жизнь, неся всю тягость полевой службы. Однако, и здесь инициатива Директора внесла оживляющее разнообразие. С согласия Штаба Округа Директор снесся с Начальником 14-й пех. дивизии, вследствие чего кадетская рота была погружена в поезд и привезена в Бендеры, где стоял лагерь дивизии. Кадет принял 56-й пех. Житомирский полк, как располагающий самым большим и наиболее благоустроенным Офицерским Собранием. Кадеты прибыли в воскресенье. Конечно, в этот день никаких занятий не полагалось. Но никто не ожидал, что полк встретит кадет великолепным обедом, а вечером веселым летним балом, на который собрались все барышни дивизии, жившие на прилагерных дачах. Чудесный большой зал Собрания, прекрасный парк вокруг с беседкой, фонтаном, уютными уголками, гирлянды разноцветных фонариков, гремевшая музыка и, наконец, радужное гостеприимство г. г. офицеров — все это создало незабываемую атмосферу. Кадеты почувствовали семью армии и для них стало ясным, что когда, через 2-3 года, по окончании Военных училищ они приедут в полки молодыми офицерами, они сразу войдут в «свой дом». Бал затянулся до 12 час. ночи. Спать кадеты отправились в солдатские палатки, предусмотрительно разбитые для них распоряжением командира полка. Спать однако пришлось недолго. В 5 час. утра запели горнисты и кадеты узнали, что дружба-дружкой, а служба-службой. Еще только несколько часов тому назад они танцевали и веселились, а сейчас надо становиться в строй и на жару, в поту, в пыли и жажде на целый день включиться в маневры дивизии.

Распоряжением командира полка кадетская рота была придана 1-му батальону и с ним выступила в поход. Начальник дивизии решил, однако, иначе. Он нашел, что, если кадеты наряду с войсками будут участвовать в маневрах, то они ничего не увидят, кроме своих собственных действий. Между тем охват всего маневра мог бы дать им поучительную картину. Поэтому он приказал кадетской роте состоять при его штабе, чтобы в решительную минуту столкно-

вения двух бригад быть на его наблюдательном пункте. Таким образом кадеты были очевидцами всего двухстороннего развертывания боевых действий, ориентацию штаба, методов войскового управления, получая разъяснения от штабных офицеров. Видели перебежки цепей, накопление, передвижения резервов и т. д.

Маневры были двухдневные. Поэтому к вечеру первого дня штаб расположился на ночлег в каком-то обширном молдаванском селе, где для ночлега кадет было отведено место в большом фруктовом саду. Ординарцы штаба разбили для кадет палатки, привезли воз соломы и кадеты начали устраиваться. Страда целого дня, жара, пыль, духота и огромная масса впечатлений почти заставили забыть о голоде. Каким же приятнейшим сюрпризом оказалась подъехавшая вдруг походная кухня, из которой струился изумительно аппетитный запах борща. Обед был обыкновенный, солдатский — щи и каша. К этому великолепный черный ржаной хлеб. Много позже, уже в эмиграции, посевшие бывшие кадеты узнали, что наш русский солдатский хлеб в Европе называется «Пумперникель» и продается как деликатес, нарезанный тонкими квадратными ломтиками и тщательно упакованный в серебряную станиолевую бумагу. Русский солдат получал такого хлеба 3 фунта в день. Никогда потом, в самых изысканных ресторанах никому не казались блюда более вкусными, чем эта солдатская, слегка продывленная, крутая гречневая каша с поджаренным луком и с грубым говяжьим салом, по армейски называемым «сбой». Но главное очарование было, конечно, в порции мяса, нанизанного на палочку, с dodatками для веса в 22 золотника. И какое наслаждение было потом долго мыться холодной колодезной водой, которую сами поднимали в деревянном ведре на длинном скрипучем «журавле», выливая ее в длинный желоб, из которого поили скот. Была, конечно, предпринята разведка сада, в надежде добавить к обеду также и десерт. Но все было еще совсем зеленое и кадетские животы слава Богу, остались без неприятных последствий.

Утомленные, возбужденные воинским пафосом и счастливые, кадеты вскоре заснули мертвым сном, а на заре снова запели горнисты и начался второй день маневров. Опять жара, опять пыль и пот, опять перебежки, накопления, подход резервов и, наконец, генеральная атака. К этому моменту Начальник дивизии отослал кадет обратно к Житомирскому полку, и в составе 1-го батальона кадеты, с неистовым криком «ура», пошли в штыки.

Затем при штабе кадеты прослушали весь разбор маневров, с докладами начальников отдельных частей, данных разведки, решения местных задач и т. д. К вечеру вернулись в полковой лагерь. Был тот же солдатский обед, или

ужин. Для разнообразия картофельный суп с лапшей.

Снова крепкий, здоровый сон, а на утро опять в поле. Кадеты присутствовали при стрельбе. Хотелось и самим пострелять, но не дали. А вечером в парке у Собрания собралось много нарядных дам и полковых барышень и многие кадеты тут же решили через два года выходить именно в этот полк, так как сердца были «до гроба» пронзены кудрявыми Верочками, Танечками и Ирочками.

На утро был назначен обратный поход. Правда, не до Одессы, до которой было почти пять уставных переходов, а только до Тирасполя, куда от лагеря было всего 14 верст и где должны были погрузиться в вагоны. Полк, как всегда, с утра был на занятиях, и только хозяин Собрания приветствовал кадет завтраком. Пришел командир полка. Поблагодарил кадет за доставленное полку удовольствие принимать их гостями и выразил надежду, что через два года, по окончании училища, многие из них выйдут в славный 56-й Житомирский полк.

После завтрака рота выступила. Попутно осматрели старую, почти неразрушенную турецкую крепость на берегу Днестра. Подивились на ее неприступные стены и башни и с трудом могли вообразить, как могли взять ее с налета, одним коротким штурмом доблестные войска Румянцева.

Перешли двухэтажный Днестровский мост и расположились привалом на широком плесе, куда выходили огороды и баштаны села Парканы. Началось купание. Кадетский привал был немедленно окружен толпой деревенских мальчиков. Пришел и местный священник. — Куда же вы, по такой жаре? Пойдем ко мне на усадьбу, хоть по кружечке кваску грушевого или хлебного выпьете!...

Начальство отказалось, ссылаясь на необходимость во время прийти в Тирасполь, чтобы попасть к поезду. Священник ушел. А через полчаса, когда кадетская колонна, вытягиваясь из села, выходила на широкую, пыльную дорогу, сзади нее оказалась повозка с укутанным рогожами боченком. Мальчишка, правивший невзрачной лошадейкой, все время весело кричал: — Кваску, кваску, паничи! Шипучего, поповского!

Подойдя к Тирасполю, были встречены конным ординарцем, который доложил, что командир полка приказал господам кадетам «вернуться» в казармы на обед. В обширных и очень благоустроенных казармах Житомирского полка, представлявших целый городок, на лето оставалась нестроевая рота, производившая ремонт, чистку и т. д. У входа в городок кадеты были встречены командиром этой роты и приглашены на обед в садик Офицерского Собрания, где уже были накрыты столы и около них

хлопотало несколько дам — офицерских жен, не выехавших в прилагерные дачи. Обед был самый простой — борщ и котлеты, но неожиданно он закончился мороженым. После короткого отдыха, рота сверх 14 верст перехода сделала еще 3 версты до вокзала и погрузилась в вагоны. Нечего и говорить с каким огромным и поучительным багажом кадеты вернулись в корпус. Нечего и говорить также, какую огромную и воспитательную пользу принесло им это близкое соприкосновение с армией, куда через 2-3 года они сами должны будут влиться молодыми офицерами.

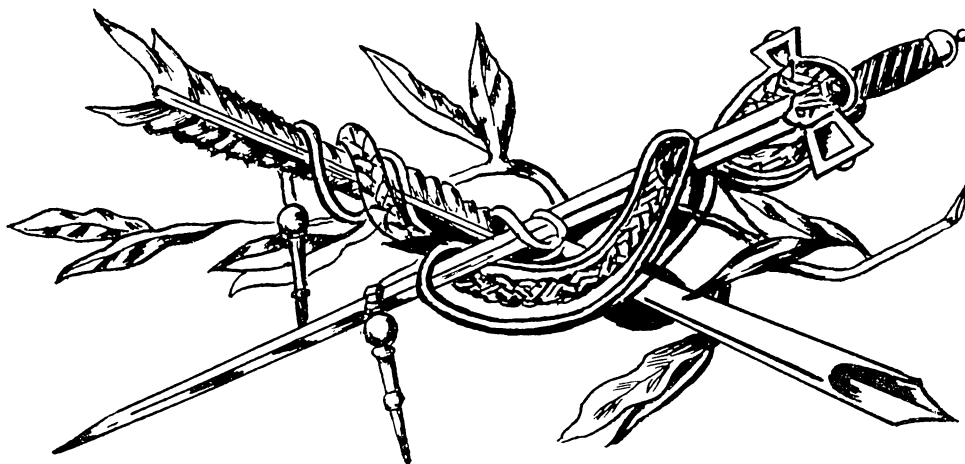
**

Было это в 1913 году. Немного времени прошло с тех пор, как эти юноши, с кадетскими погонами на плечах, проделывали такие романтические походы, где для них разбивали палатки, угощали мороженым и устраивали балы. Через год, в 1914-м уже гремели орудия войны, а с 1915-го эти самые строевые кадеты уже отбывали свой лагерный ценз в ближайших боевых тылах. Многие возвращались с Георгиевскими медалями, а были и те, кто гордо носил на своей груди и солдатский крестик. Были и раненые и убитые. И возвращались они уже не в Военные Училища, а в ускоренные школы прапорщиков, откуда через 6, а в последствии даже и через 4 месяца выходили новоиспеченными офицерами и, виду огромной убыли в офицерском составе, почти сразу же получали в командование роты. Но прошло еще немного времени и эти скороспелые ротные командиры вновь стали в строй простыми рядовыми, имея своими соседями и старых заслуженных полковников, а иногда даже и генералов. Жестокая и кровавая страда гражданской войны уравнила всех. Границы были стерты. Все стали только солдатами за Россию. Над всем царила беспредельная жертвенность, вера и сверхчеловеческое напряжение воли. И в эти небывалые железные ряды широким потоком полились струи уже не возмужалых юношей, готовых завтра стать юнкерами, а 13-ти, 14-ти летних мальчиков, едва только вышедших из детского возраста. Они говорили басом, чтобы казаться старше. Они изнемогали под тяжестью солдатской пехотной винтовки. Они не мечтали о балах и мороженом. Они совершали огромные, никакими уставами не предусмотренные переходы. Они тонули в реках, замерзали в снегах, безропотно голодали, переживали отчаяние безнадежности... Они усеивали своими детскими костями просторы Дона, Кубани, Таврии... Они ходили в штыковые атаки, метали ручные гранаты, сидели на пулеметах, на орудиях, на бронепоездах... Они обессмертили свое имя, ибо слово «Кадет» стало самым ненавист-

ным и самым яростным символом для революционной черни. И национальная история России впишет, уже вписала их безвестные имена в самые светлые и самые жертвенные скрижали своей героики. И новые поколения очистив-

шейся и возрожденной России почтительно склонят головы перед их бесчисленными и безыменными могилами.

Владимир Новиков.

« История Елисаветградского кавалерийского училища »

В марте с. г. штабс-ротмистр 1-го уланского Петроградского полка Анатолий Николаевич Василевский прислал мне, для ознакомления, рукопись «История Елисаветградского кавалерийского училища». Трудно было предположить, что в теперешних условиях, исключительно трудных, можно было бы так удачно подобрать материалы. На долю шт.-ротм. Василевского выпало много труда и забот при составлении этого труда. Он крайне умело разместил весь собранный им от юнкеров материал. Свой труд Анатолий Николаевич пишет не от своего имени, а постоянно ссылаясь на свидетельские показания, с указанием фамилий и даты показания. Начинает он повесть со времен еще Елисаветградского юнкерского училища, выпускавшего эстандарт-юнкеров.

Мне кажется, что нужно выразить нашу признательность и глубокую благодарность шт.-ротм. Василевскому и всем тем, кто принял участие в его работе и с настойчивостью и любовью продолжают выполнять эту работу. Большое спасибо им всем.

На мой вопрос Василевскому — не пора ли приступить к печатанию, а то ряды бывших юнкеров редуют с каждым днем, Анатолий Николаевич ответил: «...жду еще нескольких отзывов, а тогда начнем окончательно приводить в порядок и шлифовать кое-какие места. С Бо-

жией помощью, может быть, закончим и издадим».

Чтение этой рукописи навеяло на меня воспоминания детства и юности. Я в Елисаветграде окончил и реальное и кавалерийское училище. Елисаветград остался для меня любимым городом на всю жизнь — таким, каким я его знал в годы юности, когда и на душе и в самой жизни было столько радости и красоты.

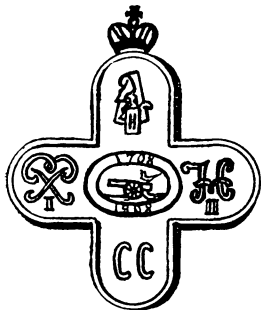
Выпуск 24 марта 1906 года из Елисаветградского училища был большой. Произведено в корнеты — 146 юнкеров и среди них были трое — взводный портупей-юнкер Сергей Ряснянский и юнкера Владимир Варун-Секрет и Александр Рябинин. Все мы были 1-го взвода 2-го эскадрона и всю жизнь мы не «теряли чувства стремени» и поддерживали связь. И вот теперь, на самом последнем этапе нашего трудного пути, мы снова связались и на этот раз, кажется, крепко и до конца. Из нашего выпуска в эмиграции я еще знаю в Париже подполковника Шукевича. Дружба и любовь к Родине, заложенная в нашем родном училище, живет в нас и до сих пор.

Я уверен, что «Историю Елисаветградского кавалерийского училища» прочтут не только бывшие юнкера, но и доблестные воины иных родов оружия и Русские люди, любящие Великую Россию.

Полк. Александр Рябинин.

Курьезный эпизод

Из воспоминаний старого улана.

В каждом кавалерийском полку выбраковывалось ежегодно известное количество лошадей, закончивших свою «строевую службу». Лошади эти продавались с торгов, и к назначенному дню в районе полка собирались «специалисты» по покупке выбракованных лошадей — извозчики и барышники.

Нужно заметить, что в довоенное время в Литве, в частности в приграничной полосе, хотя автобус уже и имелся, совершая, например, регулярные рейсы между Кибартами-Вержболовым - Вильковишками - Мариамполем-Кальварией и Сувалками, все же главным средством передвижения была «карета», пользовавшаяся преимуществом, так как могла быть использована во всякое время дня и ночи. Кто из служивших в свое время в гарнизонах этой местности не помнит этого замечательного средства передвижения? Это была, действительно, самая настоящая карета, правда, весьма «допотопного» вида, на больших колесах, с музейными рессорами, обшитая внутри замусленным дешевым ситцем. Запряженная парой довольно «пожилых» лошадей, это подобие рыдвана с грохотом и треском катилось по шоссе. На облучке гордо восседал всегда готовый к вашим услугам какой-нибудь Янкель, Мовша или Сруль, в длинном лапсердаке, ермолке и пейзах, с внушительно длинным бичем. Зимой это «чудовище» переставлялось на специальные полозья и, ныряя по ухабам и сугробам, вызывало морскую болезнь и украшало голову неизбежными шишками.

Так как движение между полковыми стоянками, а также станциями железной дороги было очень оживленное — ездили в гости, в отпуск, на вечеринки, к приятелям и т. д. — то и спрос на это «средство передвижения» был большой, и их хозяева, эти самые Янкели и Мовши, были главными покупателями выбракованных лошадей.

3-й уланский Смоленский Императора Александра III полк был расквартирован на окраине небольшого еврейского городка Вильковишки, Сувалкской губернии, в пяти верстах от станции железной дороги того же названия, в так называемом Александровском Штабе. По тому времени казармы были оборудованы впол-

не добропорядочно, с нужным числом, открытых манежей, тиров и т. п. Полковое же учебное поле находилось в полутора верстах от казарм между городом и железной дорогой. Оно было обширное и одной своей стороной примыкало к шоссе, тянувшемуся от станции железной дороги в город.

Ежегодно, в конце весны, по окончании одиночного обучения, наступал период взводных, эскадронных и полковых учений. Эскадроны выходили каждодневно ранним утром на учебное поле на эти учения, заканчивавшиеся обыкновенно к 11 часам дня. Приблизительно около этого времени проходил и скорый поезд Петербург-Вержболово.

В начале лета 1914 года период полковых учений уже подходил к концу. В одно прекрасное утро, готовясь к смотру, полк усердно занимался на учебном поле и командир полка полковник фон Крузенштерн наводил «последний лоск». Уже были проделаны всевозможные перестроения, и под конец, желая проверить лихость и быстроту сбора, командир полка рассыпал эскадроны по всему полю. Обозначив собой центр фронта он подал сигнал «сбор», затем «галоп» и «построение резервной колонны». Подхваченные эскадронными трубачами сигналы были непосредственно приняты эскадронами и они со всех концов обширного поля неслись галопом к командиру полка, перестраиваясь на ходу во взводные колонны.

В это же самое время, со стороны шоссе, появилась вдруг «карета» и полным галопом понеслась к строящемуся полку, подозрительно мотаясь по неровностям поля. Янкель, истерически выкрикивая «ой вей мир» и стараясь удержаться на своем высоком облучке, беспомощно махал руками, пытаясь задержать своих лошадей, — но безрезультатно. Из кареты слышались вопли и визг.

Несмотря на все Янкелевские усилия, лошади неслись галопом к строящемуся полку и, не доезжая нескольких шагов до командира полка, остановились как вкопанные за его спиной. Янкель, описав «прекрасную кривую», очутился на земле рядом с командиром полка, в сиденье положении. В этот момент полк как раз закончил свое построение и замер, разразившись оглушительным хохотом. Из окон кареты показались две прекрасные женские головки в слегка съехавших на бок широких соломенных шляпах с бантами. На их раскрасневшихся лицах можно было прочесть и страх, и недоумение, переходившие постепенно в улыбку. И о

ужас! Воздух вдруг прорезали два полуотчаянных-полувеселых крика: «Алик», «Ника». Все это произошло в несколько мгновений, но картина получилась очаровательная.

Педантичный командир полка, недоумевая, что означает сей взрыв хохота в строю полка и эти два странных возгласа, оглянулся и увидел только карету и неподвижно замершего рядом с ним, на земле, Янкеля. Улыбнувшись в свою очередь, он скомандовал «полк за мной», «песенники вперед», и шагом двинулся на шоссе, к казармам. Проезжая мимо кареты, он взглянул в окно, приложил два пальца к большому козырьку своей фуражки, пробормотав в бороду нечто вроде извинений. В приподнятом настроении возвращался полк в казармы и только выражение двух лиц — «Алика» и «Ники» осталось серьезным до конца.

Что же произошло?

«Алик» и «Ника», два неразлучных приятеля и ловеласа, пригласили как-то раз в гости из Вильно, из шантана Шумана, двух «дам нашего круга». И «дамы», желая устроить сюрприз, не сообщив ничего о своем приезде, при-

были, наняли на станции «каретку» с Янкелем и приказали везти их в единственную в городе гостиницу. Везя «карету» мимо полкового учебного поля как раз в тот момент, когда раздавался сигнал «сбор», Янкелевы кони, купленные им осенью из последнего брака, услышали знакомую трубу и почувствовали себя снова в «своей среде». Повернув резко направо, они взяли чисто, вместе с каретой, широкую придорожную канаву и приступили к исполнению поданного сигнала — галопом понеслись к полку.

Но все хорошо, что хорошо кончается.

Полковник фон Крузенштерн принял все за «курьезный эпизод», а молодежь постаралась наверстать и с избытком использовать время в столь редком для города Вильковьшки обществе. За пережитый испуг и «контузию» невыразимой части своего тела Янкель был побарски награжден, а его коням за «безупречное исполнение приказа начальства» была отпущена из «корнетских сумм» добавочная порция овса в течение целого месяца.

П. С. Бассен-Шпиллер

Морунгенский трофей (1807 г.)

В сражении 14 июня 1800 г., у Маренго, французская армия нанесла полное поражение Австрийцам. Особенно отличилась в этот день 9-я полубригада легкой пехоты, сражавшаяся на глазах у ген. Бонапарта, который тут же дал ей лестное прозвище «Несравненная».

Торжественная церемония имела место в саду Тюльерийского дворца. Став перед развернутым фронтом полубригады, великий полководец громко сказал: «Солдаты 9-й легкой, вот ваши знамена. Будьте достойны надписи, которую я приказал сделать на них. Никогда знамена 9-й легкой не попадут в руки врага. Клянитесь отдать вашу жизнь защищая их». Одним голосом ответила полубригада: «Клянемся».

В 1804 г. своим полкам, переименованным из полубригад, Наполеон дал новые знамена, увенчанные императорскими орлами. Повидимому, для 9-го легкого полка, имевшего с 1802 года особые почетные знамена, было сделано исключение. Республиканские знамена были ему оставлены, но на их древки были поставлены императорские орлы. Подтверждения это-

му мы не отыскивали в исторических источниках, но из того, что следует, факт этот кажется несомненным.

Через год, 11 ноября 1805 г., знамена эти с честью приняли участие в кровопролитном сражении под Кремсом. 9-й легкий полк поддержал свою боевую репутацию. Беглым шагом стремился он на выручку отряда маршала Мортье, взятого в тиски между русскими колоннами Милорадовича и Дохтурова и яростно ударил в штыки на Вятский пехотный полк, прикрывавший фронт на запад, г. Дюрентейн. Один из батальонов этого полка был сброшен в Дунай, причем в рукопашной схватке он потерял свои два знамени. Отбили их капитан Леблан и барабанщик Драпье. Русские знаменщики, подпрапорщики Торопов и Калущин были убиты, «храбро защищая до конца свои знамена», как о том свидетельствует сам маршал Мортье. Раненый командир Вятского полка, полковник Бибилов, был взят в плен. Французы не определили, какому полку принадлежали отбитые знамена. В рапортах об этом

деле, полковник Бибилов назван командиром «Верского» полка. Отмечено и то, что Бибилов, хотя и в совершенстве владел французским языком, но категорически отказался давать какие-либо показания.

О потере этих знамен нет ровно ничего в современных русских донесениях ни в исторических трудах. Только, в появившихся в 1865 г. воспоминаниях ген. Ермолова, есть признание этой потери. Но если русские умолчали о ней, они ее не забыли. Император Александр I-й пожаловал всем бойцам, участвовавшим в Кремском сражении по рублю серебром, но сделал исключение для Вятского полка, который ничего не получил. Император Николай I-й впоследствии расформировал Вятский полк. Но, как говорят, «и на старуху бывает проруха».

Война продолжалась. 6 января 1807 г. в бою у Морунгена, 9-й легкий полк вновь повстречался с русской пехотой. Его батальоны храбро шли вперед, охватывая левый фланг войск генерала Анрепа и тесня русских стрелков. Чтобы остановить его, был брошен в атаку 25-й егерский полк полковника Вуича. Полк был молодой, еще не обстреленный. Встреченный штыками, он дал тыл. На смену ему явился подполковник Панчулидзе, с 6-ю ротами Ека-теринославских гренадер и 2-мя 5-го егерского полка. Без выстрела, бросились эти роты в штыки на 2-й батальон 9-го легкого полка. В свою очередь батальон этот был обращен в бегство, потеряв при этом до 300 человек. Три раза батальонное знамя переходило из рук в руки, так как три знаменщика были последо-вательно убиты. Тщетно пытался его спасти чет-вертый знаменщик. Его заметил капитан фон-Рейценштейн, бывший верхом во главе своей роты 5-го егерского полка. Он прищпорил ко-ня, бросился на знаменщика, ударил его шпа-гой, но знамя схватить не смог. Раненый фран-цуз бросил знамя через изгородь, а капитан был сам тяжело ранен и свалился с лошади. Бежав-ший за ним, подпрапорщик Василий Бородин, тоже 5-го полка, перескочил изгородь и схва-тил знамя.

Взятие знамени в бою большой подвиг. Бо-родкин получил знак отличия Военного Ор-дена № 4.498 и был произведен в офицеры.

Но знамя оказалось без орла. По счастливой для французам случайности, он, за несколько дней перед боем, отломался от подставки и с тех пор возился в одной из полковых повозок в ожидании случая для его починки. В полку тяжело переживали потерю знамени, но уте-шали себя тем, что орел, т. е. главная часть знамени, находился в обозе. Каково же было отчаяние, когда вечером этого дня узнали, что весь полковой обоз, за исключением одной по-возки, попал в руки казаков, захвативших г. Морунген. Потерю скрывали, как могли, но со-

седи стали поговаривать, что в 9-м полку не-достаёт одного орла.

Через день, спасенная повозка была достав-лена в полк. Открыли крышку и, к общей радо-сти, нашли в ней своего орла. Его поместили на новое древко и распространили версию, что зна-мя было, действительно, в русских руках, но что оно было вновь отбито в рукопашной схват-ке. Эту версию доложили Наполеону, а в Бюл-летене Великой Армии ее разукрасили подроб-ностями. Получился сверх-геройский эпизод, который и вошел в историю. Впоследствии ука-зывали и имя лейтенанта, будто-бы отбившего его обратно от русских. История русско-фран-цузских войн изобилует такими примерами «святой лжи».

Между тем, отбитое Бородинским знамя, с древком и подставкой от орла, на которой сто-яла накладная цифра «9», осмотрели русские офицеры. Нам удалось отыскать их свидетель-ства. На полотнище была необычайная для пол-ков Императорской Армии надпись: «Француз-ская Республика» и «Несравненная». Таким об-разом Бородин отбил одно из знамен, которые были даны в 1802 г. 9-му легкому полку.

Знамя это отправили в С.-Петербург и по-местили в Петропавловском соборе. Оно было доставлено туда Фл.-Адъют. полковником Са-вицким, 3 февраля 1807 г. вместе с орлами, от-битыми в сражении при Прейсиш-Эйлау. 18 ок-тября 1812 г. в собор явился полковник Кастор-ский и, по поручению Аракчеева, взял оттуда все французские знамена. Куда они были пе-ревезены, неизвестно. След их потерялся.

Интересно отметить ошибку, которую сде-лал ген. Геккель. В его труде, посвященном трофеям 1812-14 г.г. есть указание и о тех, ко-торые хранились раньше в Петропавловском Соборе. Он пишет: «31 марта 1807 г. доставлен в Собор орел 9-го пехотного полка. Это был толь-ко один орел, с верхнею от коробочки дощечкой. Взят в сражении при Морунгене отрядом ген. Анрепа».

Тут все неверно. Во-первых, речь идет не о 9-м пехотном, а о 9-м легком полку. Полк этот потерял не орел, а знамя, орел же остался в ру-ках французов. Орел, о котором пишет ген. Геккель, обозначен в описании Петропавловско-го Собора, как взятый «после Пултусского сра-жения». Этот орел, без древка и без подстав-ки (коробочки) остался неопознанным, так как номер полка стоял всегда на подставке, кото-рой как раз не доставало. Видно, что ген. Гек-кель привел свой личный вывод, который в данном случае не соответствовал действитель-ности.

Через два года после Морунгенского боя, Наполеону передали на утверждение список полковников, представляемых к генеральско-му чину. На нем стояла и фамилия командира

9-го полка легкой пехоты. Император взял карандаш и зачеркнул ее: «Нет, он под Морунгом потерял знамя». Об этой потере Император Французов узнал из русских газет.

Сохранился рисунок проекта почетного знамени 9-го полка, исполненный в 1802 г. для Бо-

напарта известным Шайо-де-Прюсс. По странной случайности, он изображает как раз знамя 2-го батальона, т. е. то, которое попало в руки 5-го егерского (впоследствии 95-го пехотного Красноярского) полка.

С. Андоленко.

Еще об офицерском нагрудном знаке роты Его Величества лейб-гвардии Преображенского полка

Письмо многоуважаемого Е. С. Молло, относительно офицерского нагрудного знака роты Его Величества, меня, увы, не убедило.

Действительно, судя по одной фотографии, существует экземпляр такого знака с надписью на нем «1741 НО 25». Весьма возможно что знак этот был пробный, правильно-же надпись писалась именно так как я сообщал: «1741 НО 25». Об этом свидетельствует Справочная книга Императорской Главной Квартiry «Императорская Гвардия», изд. 2-е 1910 г. Вот что мы там находим:

«Ныне эти знаки восстановлены в своей почти первоначальной форме и, вместе с тем, на знаках чинов, числящихся в роте Его Величества, восстановлена надпись «1741 НО 25», пожалованная Императрицей Елизаветой Петровной офицерам Лейб-Кампании, в память содействия вступлению Ее на престол».

Это подтверждает и оригинальный знак, принадлежавший Сергею Александровичу Мецеринову, служившему в роте и 1 августа, выступившему в поход, в ее рядах, в чине поручика. На нем, именно, не «N» а «Н». Следует отметить что, при установлении Императором Петром I русского печатного алфавита, буква

«Н», вначале, писалась «N». Одно время думали, что надпись отличия «1700 НО 19» была латинской, что не соответствует действительности.

А что гренадерская рота, впоследствии, была отчислена от полка, то это, конечно, верно, однако **исторически** отделять Лейб-Кампанию от полка — трудно. Император Николай II Высочайше повелел — знамя Лейб-Кампании, хранившееся в СПб арсенале, передать в Преображенский полк. Возвела Императрицу Елизавету на престол ведь не Лейб-Кампания, а гренадерская рота лейб-гв. Преображенского полка, «отчисление» произошло после этого события. Вот почему, решение вернуть знамя и надпись, пожалованные за эту услугу, именно Преображенскому полку, кажется вполне обоснованным.

Отметим также, что три Российских Фельдмаршала, граф Алексей Разумовский, графы Александр и Петр Шуваловы, никогда в полку не служившие, были все-таки удостоены внесением в полковые списки Преображенского полка.

С. Андоленко

Из истории лейб-гвардии Гродненского гусарского полка

В старом русском, так называемом «передовом» и «интеллигентном» обществе существовало совершенно превратное представление о военной среде, ее жизни и быте, и мне представляется чрезвычайно полезным, как вклад в «малую» историю, дать картину полковой жизни лейб-гвардии Гродненского гусарского полка, в изображении историка этого полка, в тот период, когда полк стоял на глухой стоянке.

Слишком 30-летнее пребывание полка (после первого восстания и до начала второго), на Волхове, в Селищенских казармах Новгородской губернии представлялось исключительной, по своим свойствам, стоянкой, имевшей и свои хорошие стороны. Это время полковой жизни является интересным во многих отношениях. Само расположение полка было чрезвычайно оригинально и не подходило под общую рубрику стоянок нашей конницы. Это был, действительно, гусарский монастырь.

Гусары вскоре пустили корни на новом месте и не только освоились, но и полюбили свою стоянку, которая принесла немало пользы полку. Она развила превосходный дух товарищества, а отсутствие городских развлечений привлекало офицеров к службе.

С другой стороны, условия жизни вдали от большого города содействовали развитию у офицеров многосторонних талантов кои, в вихре столичной жизни и жизни больших городов, неминуемо бы заглохли.

Так, например, Н. Н. Цейдлер оказался выдающимся скульптором, — некоторые его произведения были посланы на Лондонскую выставку. А. И. Арнольд рисовал акварелью, выставляя свои талантливые работы в столицах. Поручик Г. отличался большим талантом к карикатурам. Н. А. Краснокутский — очень образованный человек, владевший многими европейскими языками, прекрасно играл на корнете. Многие офицеры играли на рояле, из них Пауфер был и композитором и его романсы, в свое время, были известны всей России. Безобразов и Герлях избрали своей специальностью гитару, а Литинский — скрипку. Если в этом перечне Лермонтов помещен последним, то только вследствие краткости его пребывания в полку.

Когда в 1840 г. Наследник Цесаревич Александр Николаевич приехал в полк, то за завтраком он заметил: «однако, господа, у вас здесь должна быть порядочная скука». На эти слова Начальник дивизии ответил, что в полку много

талантов, и это обстоятельство украшает текущее время.

Долгое время, по субботам, в полку выходил юмористический журнал. При полку имела библиотека, и по одному из сохранившихся реестров можно сделать весьма лестное заключение о литературных вкусах тогдашних офицеров полка, которые, как это видно, более склонны были к чтению серьезных исторических трудов, чем легкой литературы.

Из полковых командиров более других оживляли полк генералы Штрандман и Эссен, супруга которого вносила в полк много веселья и оживления. Постоянно устраивались карусели, домашние спектакли, балы. Большим развлечением для офицеров были репетиции каруселей с амазонками, которым очень доставалось от строгого и методичного генерала Эссена. Число полковых дам не превышало 16-ти и из них много было выдающихся по красоте, уму и светскости, что имело большое воспитательное значение для офицеров.

Кроме всех этих удовольствий, многие офицеры занимались охотой с ружьем, гончими и борзыми, хаживая и на медведей. В 1859 году, Наследник Цесаревич присутствовал на облаве медведей, устроенной Гродненцами.

Толчек, данный Пушкиным и Лермонтовым литературе, сильно отразился вообще в военной среде, которая дала своих представителей и в литературе и в области изящных искусств.

1858 год ознаменовался в России первым шагом к освобождению крестьян от крепостной зависимости. Повсеместно были учреждены комитеты по этому предмету; к ним были привлечены и офицеры Гвардии, причем из Гродненского полка первым, получившим такое назначение был поручик Боровков, оставшийся в Комитете до самого конца его деятельности. Кроме него, из полка еще два офицера работали по крестьянским делам.

Новый, злополучный, 1863 год Гродненцы встретили уже готовые к разлуке со своим тихим приютом, вступая на новый этап своего существования:

Крутя перед бокалом
Свой ус, как лунь, седой,
Гусар сказал гусару —
«Заутра, братец, в бой...»

В изложении, я не придерживался точно текста истории полка, но фактическая сторона целиком взята из этой книги.

А. Левицкий.

ЗА РУБЕЖОМ НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ

В настоящем номере нашего журнала, Редакция открывает этот новый Отдел, назначение которого дать картину работы, проделанной нашей военной эмиграцией за рубежом.

Своей работой, своим трудом, русская военная эмиграция показала что она ушла за границу не на отдых и не на исключительное устройство своей личной жизни. Работа проделана ею огромная и совершенно неовходимо чтобы следы этого труда «на пользу Отечества» не пропали во тьме веков.

Русская военная эмиграция не должна уйти с исторической сцены с ложной репутацией — мы работали, работали много, часто не в меру своих сил и оставляем следующим поколениям плоды наших трудов, нашей работы во славу нашего Отечества.

На страницах нашего журнала уже было

списано создание и работа Военно-Научных Курсов генерала Головина, дана полная картина «Русской Зарубежной Морской Библиотеки», мы с обращаемся теперь с просьбой к Полковым Объединениям, к Объединениям Военно-учебных заведений, к представителям всех военных организаций за рубежом — откликнуться на наш призыв и прислать для напечатания на страницах журнала краткие описания деятельности наших Объединений и Организаций за рубежом.

Редакция с искренней благодарностью обращается к Объединению лейб-Егерей, первому отозвавшемуся на наш призыв. Будем надеяться, что на него откликнутся и все остальные наши организации.

Алексей Геринг

1. ОБЪЕДИНЕНИЕ ЛЕЙБ-ЕГЕРЕЙ

В Белграде, под редакцией бывшего командира полка генерала Буковского, издавался «Егерский Вестник». До 1939 года вышло 14 номеров. Вторая война прекратила это издание и генерал Буковский скончался.

В Париже, до второй войны, издавался «Осведомитель Лейб-Егерей». Орган информации и поддержания связи. Было выпущено — 40 номеров. Война 1939 года приостановила это издание и после ее окончания, Объединение стало выпускать его вновь в количестве 50 экземпляров, примерно 25-32 стр., на ротаторе. Последний номер вышел в июле 1962 года, в главной своей части посвященный описанию Бородинских торжеств в 1912 году. Кроме того, в этом-же «ОСВЕДОМИТЕЛЕ» печатались воспоминания бывшего Костромского губернатора сенатора П. П. Стремоухова, полковника Иевреинова о поездке в Тобольск, для спасения Царской Семьи, генерала Геруа и иные. Журнал этот издается под редакцией В. А. Каменского.

Сборник материалов «Лейб-Егеря в войну 1914-1918 гг.» был составлен также В. А. Каменским. Этот труд напечатан в количестве 60 экземпляров на ротаторе. С дополнением всего 264 стр. и свыше 70, раскрашенных от руки, схем и 5 листов фотографий.

Полковник Н. В. Ротштейн издал в эмиграции книгу рассказов из жизни полка и книгу

военных рассказов «Синие дали».

Генерал Б. В. Геруа написал свои воспоминания, начиная с момента поступления в кадетский корпус и кончая жизнью эмигранта в Англии. К сожалению, его труд (1214 стр.) напечатан на машинке в количестве только 4-х экземпляров и никогда не был издан.

Офицер полка, поручик В. В. Бутчик, получил в 1951 году «Академические Пальмы», во Франции, за свои работы по литературе и библиографии. Им была составлена библиография всех книг, переведенных с русского языка на французский и особая хрестоматия для французов.

Другой офицер полка, Отец Александр Семенов-Тянь-Шанский выпустил в Чеховском Издательстве книгу «Отец Иоанн Кронштадтский».

В 1938 году, в издании «Общества ревнителей Русской изящной словесности», в количестве 300 экземпляров вышла иллюстрированная поэма «Гибель Атлантиды», принадлежавшая перу офицера полка Г. В. Голохвостова.

Бывший офицер лейб-гвардии Егерского полка, впоследствии командир лейб-гвардии Волынского А. В. Геруа написал и издал книгу «Полчица» — опыт военной психологии. (См. «Мат. к Русской военной библиогр. за рубежом» — «ВОЕННАЯ БЫЛЬ»).

В. Каменский.

Хроника «Военной Были»

НЕОБЫКНОВЕННАЯ БОЕВАЯ НАГРАДА.

За исполнение важных функций во время боя лин. кор. «Евстафий» с германо-турецким лин. кр. «Гебен» 15 апреля 1915 г. около Дарданелл, по совместному представлению Морского министра и министра Иностранных дел, младший дипломатический чиновник Тухолка был произведен из титулярных советников в коллежские ассесоры.

Сообщил А. Л.

ЕДИНОРОГИ.

В старой артиллерии состояли на вооружении пушки и единороги, последние — прообраз будущих гаубиц. По этому поводу, существует такой рассказ.

В конке, по Литейному проспекту в Петербурге, едет профессор Артиллерийской Академии генерал Шкляревич. Напротив него сидят две барышни. Навстречу конке идет артиллерийская часть. Одна из барышень говорит другой: «Катя, посмотри, пушки едут». Катя поправляет — «не пушки, а единороги». Генерал встает, по-штатски, снимает фуражку и произносит, обращаясь к девушке, внесшей поправку: «Позвольте представиться — профессор Шкляревич. В первый раз мне удалось встретить умную женщину».

А. Л.—ий.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ «ЖУРАВЛЕЙ».

Кем были сочинены известные «журавли» кавалерийских полков?

Трудно ответить на этот вопрос, но, видимо, их следует считать творчеством коллективного автора. Видимо, «журавли» появлялись постепенно, то для одного, то для другого полка, или, может быть, то для одной, то для другой группы полков.

К какому времени следует отнести появление первого «журавля» или первых «журавлей»?

Просматривая как-то материалы к творчеству В. К. Тредьяковского, мы наткнулись на сноску о Державине, взятую из записок Дмитриева «Взгляд на мою жизнь». Здесь мы находим сперва общее указание о том, что, став весной 1762 года солдатом Преображенского полка и живя в Петербургской казарме, Державин по ночам «читал книги, какие где достать случилось, немецкие и русские и марал стихи без всяких правил...». Далее, мы находим более

конкретное указание: «Кто бы мог угадать, какой был первый опыт творца «Водопада»? — Переложение в стихи или, лучше сказать, на рифмы площадных прибаюток насчет каждого гвардейского полка!...» (стр. 64 указанных записок).

Таково, нам кажется, происхождение «журавлей», во всяком случае первых из них.

М. З.

ИЗ СТАРОГО КАТАЛОГА МОСКОВСКОЙ ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ.

В дореволюционное время, в Московской Оружейной Палате хранились следующие предметы, имеющие отношение к русской военной истории (см. «Оружейная Палата» Ю. В. Арсеньева и В. К. Трутовского). В современных советских путеводителях они не встречаются.

1) Портрет Императора Александра I во весь рост, в мундире, работы Лауренса. Под портретом: группа из 18 знамен польских линейных полков с вышитыми одноглавыми белыми орлами и вензелем Александра I. Под этими знаменами, по Высочайшему Повелению Императора Николая I помещалась следующая надпись: «Император Александр I благодетель Польши пожаловал знамена сии своей Польской армии. Великодушию отвечала измена; храбрая верная Российская армия знамена сии возвратила, взяв приступом и пощадив Варшаву 25 и 26 августа 1831 года».

2) «Зеркало — прославление Петра Великого за Полтавскую победу, писанное красками на обороте. В центре, в овале, портрет юного Императора, помещенный на груди двуглавого орла; кругом латинская надпись: «Petrus Alexiewicz Magnus Dominus Tzar et Magnus Dux Moscoviae»; над портретом между трех корон орла: «Славою и честью венчаюся». Кругом, по сторонам, в лентах следующие надписи: а) Яко орел покры гнезда свои; б) Обновится яко орля юность твоя; в) Упою мечь мой в крови неприятельской; г) Пожену враги моя и постигну я и не возвращуся дондеже скончався; д) Виват истребителю гордости свейские; е) Виват отомстителю крове христианской. Под портретом год 1709 и ниже надпись, как-бы на дощечке: «Торжествует во славу Бога, победоносно знамя орла славно гордо смиря льва». В самом низу зеркала: налево — усмиренный шведский лев, в голову которого уперлось знамя с Российским орлом, направо — коленопреклоненные придворные».

Сообщил Н. Скрябин.

Письма в Редакцию

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

Под покровительством Объединения Императорской Конницы и Конной Артиллерии в Париже, в неустанной работе его секретаря, ротмистра М. А. Колосовского, и инициатора всего начинания ротмистра А. А. Скрябина, проведена в жизнь большая часть работы по увековечению в памяти потомства нашей «военной истории в звуках» — изданию дисков полковых маршей Российской Императорской Армии. Теперь, на склоне лет, многие из нас смогли еще раз услышать не только полковые марши своих родных полков, но и Русский Народный Гимн сопровождавший каждого воина в могилу, гимн «Коль славен».

У меня, невольно, набежали слезы, когда, получив диск № 2, я услышал величественные и могучие звуки нашего Гимна. Давно я не слышал эти звуки, и бывшее живо воскресло в моей памяти: славное прошлое, которое я так люблю и о котором бережно храню память в душе своей, любовь к России, к создателям ее величия. Проснулась любовь ко всем милым образам прошлого, которые и донныне живут во мне, ко всему тому, что меня связывает с Ней, с моей любимой Родиной.

В октябре 1962 года, я получил диски №№ 3 и 4 с маршем, родного мне, полка Елисаветградских гусар. В полку у нас существовало мнение, ничем, однако, до последнего времени не подтвержденное, что марш этот был написан нашим Шефом, второй дочерью Государя Николая Павловича, Великой Княжны Ольгой Николаевной, отличной музыкантшей. Шли бесконечные споры между нашими гусарами и Лейб-Атаманцами, имевшие тот же марш, о том, кто его у кого перенял? И вот, только теперь, появились в печати на немецком языке «Воспоминания Великой Княжны Ольги Николаевны», где ясно говорится, что это именно Она написала марш для нашего полка, Шефом которого она состояла с 1 января 1845 года.

(По некоторым сведениям Издательство «Военная Быль» собирается выпустить эти Воспоминания на русском языке, что можно только приветствовать).

Невозможно старому офицеру без слез слышать звуки своего родного полкового марша. Как живой встает передо мной наш доблестный полк. Все полковые марши, как говорится, «один лучше другого», но все же как-то свой кажется лучше, он ближе и роднее. Нельзя не отметить из зарегистрированных маршей исключительно красивый и музыкальный марш лейб-гвардии Семеновского полка.

Благодарю Бога, что Он послал мне, на склоне лет, возможность еще раз услышать наш Гимн и мой родной полковой марш. За все это большая благодарность от нас, старых офицеров, А. А. Скрябину и М. А. Колосовскому.

Полковник А. Рябинин

К «МАТЕРИАЛАМ ПО РУССКОЙ ВОЕННОЙ БИБЛИОГРАФИИ ЗА РУБЕЖОМ»

В № 58 «ВОЕННОЙ БЫЛИ» описание «Вестника первоходника» — вкралась ошибка. Прошу все описание заменить другим, следующим:

«ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА» посвящен 1-му Кубанскому походу, истории Белых армий и жизни первоходников. Издается Калифорнийским Обществом Ветеранов 1-го Кубанского генерала Корнилова похода в Лос-Анжелосе под редакцией коллегии из 4-х лиц. Журнал печатается на ротаторе и выходит ежемесячно. Основан в сентябре 1961 года. Тираж — 250 экзempl. Начиная с № 8 печатаются иллюстрации и фотографии.

Сердечно благодарю редакцию журнала за исправление и присылку точной и подробной информации.

Алексей Геринг.

К СТАТЬЕ С. АНДОЛЕНКО: «ПОЛКОВЫЕ НАГРУДНЫЕ ЖЕТОНЫ И ЗНАКИ».

В своей прочувствованной статье С. Андоленко учит нас ценить полковые знаки, эти символы ушедших в вечность полков Российской Императорской Армии. Тема, затронутая С. Андоленко, еще весьма мало изучена, а по-сему желательно, чтобы он ее продолжил и дал нам подробное описание всех полковых знаков, многие из которых, как например, знаки армейской пехоты до сего времени еще не описаны. С. Андоленко может отлично выполнить эту задачу, так как он является не только выдающимся военным историком, но и обладателем лучшего за рубежом собрания нагрудных знаков.

Однако, мы не можем согласиться с С. Андоленко, что первым, по времени учреждения, нагрудным знаком, был «Кавказский Крест». Первым, по времени учреждения, мы считаем учрежденный 22 августа 1827 года «Знак Отличия Беспорочной Службы». Вторым, по времени учреждения, нагрудным знаком мы считаем «Вензелевое изображение имени в Бозе почившего Императора Николая Павловича», ношение которого на левой стороне груди было установлено приказом по Военному Ведомству за № 42 1885 года. Третьим, по тому-же признаку, был «Милиционный Крест» (или Бляха у нехристиан), ношение которого «на груди без ленты» было установлено 11 апреля 1856 года, и лишь четвертым, по времени учреждения, был учрежденный в 1864 году «Кавказский Крест».

Подобные же нагрудные знаки существовали и в других армиях. Так, например, прусский «Железный Крест» 1-й степени, учрежденный в 1813 году. Он также носился «на груди без ленты». В Пруссии существовал и «Знак Отличия Беспорочной Службы» и свои прусские «Вензелевые изображения» имени королей, которые также носились на левой стороне груди, но появились они уже после установления подобных же знаков в России и были заимствованы от нас.

Все эти знаки, кроме способа ношения, не имеют ничего общего с появившимися лишь в XX веке полковыми знаками. Следует поэтому разделить нагрудные знаки на несколько от-

дельных категорий: знаки наградные, знаки академические (к которым мы относим все знаки, свидетельствующие об успешном окончании курса наук в том или ином военно-учебном заведении), вензелевые изображения имени Государей, знаки юбилейные и, наконец, полковые знаки. Желательно было бы, чтобы каждой из этих категорий была посвящена особая статья.

Е. Молло.

К моей статье о нагрудных знаках.

Благодаря сведениям, любезно мне данным Е. С. Молло и П. В. Пашковым, я могу уточнить, что первыми нагрудными знаками в Русской армии были, как будто, «Вензелевое изображение в Бозе почившего Императора Николая Павловича», установленное приказом по Военному Ведомству 1855 г. за № 42 и «Милиционный крест или бляха у нехристиан», ношение которых установлено 11 апреля 1856 года.

Что-же касается знаков, носивших наградной характер, то «Кавказскому Кресту» предшествовал учрежденный 22 августа 1827 г. «Знак отличия беспорочной службы». Следует также отметить введенную в 1783 г. для кадет Артиллерийского и Инженерного корпуса (впоследствии 2-й кадетский) серебряную медаль (жетон) «За прилежное и хорошее поведение». В 1789 г. устав об этой медали (жетоне) был напечатан отдельной книжкой.

Исправляю, допущенную мною в описании знака лейб-гвардии 3-го Стрелкового Его Величества полка, ошибку: на щитке орла не Мальтийский, а белый Георгиевский крест. Таким образом, на знаке этого полка фигурировали и офицерский и солдатский Георгиевские кресты.

Цифра «349» находилась на особом жетоне в память обороны Севастополя. На указанных мною знаках находился целиком упомянутый жетон (крест и цифра 349 в лавровом венке).

С. Андоленко.

От Редакции. — Подробное описание медали (жетона) Артиллерийского и Инженерного корпуса см. № 1 «ВОЕННОЙ БЫЛИ» статья В. фон-Рихтера — «Медали кадетских корпусов».

«ПОПРАВКА К ПОПРАВКЕ».

В № 58 «ВОЕННОЙ БЫЛИ» — январь 1963 года на стр. 41-й в Письме в Редакцию сказано «...сформирован его первым командиром полк. Григорковым 49 драгун. Архангелогородский полк...». Мой отец А. А. Григорков был, в это время, в чине подполковника помощником командира этого полка. Первым командиром 49 драгун. Архангелогородского полка был Ген. Штаба полковник Бобырь.

В. Григорков.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

В № 59 журнала в моей заметке о ген. М. М. Плешкове, помещено, что я прибыл в Ковель в 1913 году, на самом же деле это происходило в 1909 г. Не откажите в любезности внести это исправление, иначе получается несообразность в изложении заметки.

А. Левицкий.

К СТАТЬЕ С. АНДОЛЕНКО: «ЗАБЫТЫЕ ОТЛИЧИЯ»

В статье С. Андоленко «Забытые отличия», в № 58 «Военной Были», во втором абзаце, сказано: «только Анна Иоанновна изменила этот обычай. Она также приняла звание полковника Преображенского полка 23 января 1730 года, но уже 23 июля того же года она стала полковником Конной Гвардии, в декабре 1731 г. — Семеновского полка и, наконец, 15 августа 1735 года — Измайловского».

Эти сведения не совсем исторически правильны, так как Императрица Анна Иоанновна числилась полковником также и в Лейб-Кирасирском полку (впоследствии л.-гв. Кирасирский Ее Величества), с 1 ноября 1733 г. С 25 ноября 1741 г. числилась его полковником Императрица Елизавета Петровна, а 5 июля 1762 — Императрица Екатерина II. Все три Императрицы числились полковниками в полку по день их смерти, фактические же командиры полка числились вице-полковниками.

Полковник **Иван Рубец.**

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

По поводу статьи «Свете тихий» в № 52 журнала «ВОЕННАЯ БЫЛЬ», считаю своим долгом сказать нижеследующее.

Автор Н. Иениш пишет: «...один из бригадных генералов (Никитин), ограниченный, бездарный...».

Генерал Никитин был в Порт-Артуре начальником полевой артиллерии (десять батарей). Он был кавалером Ордена Св. Георгия 4-й ст. за Турецкую войну 1877-78 гг. Высочайше был пожалован Орденом Св. Георгия 3-й ст. Об этой награде, генерал Никитин говорил: «это не я заслужил, а мои артиллеристы...». Впоследствии, генерал Никитин занимал в армии ответственные должности и, перед началом мировой войны, в 1914 году, был Командующим войсками Одесского Военного округа. Мне кажется, что называть его «ограниченный и бездарный» нет никаких оснований.

Защитник Порт-Артура,

Алексей Михайлович Юзефович.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

В № 53 журнала «ВОЕННАЯ БЫЛЬ», в отделе «Вопросы и ответы» помещен вопрос, касательно фотографии офицера лейб-гвардии Конного полка, держащего обнаженный палаш в **левой руке**.

Такой случай держания холодного оружия в строю или карауле мог иметь место в очень редком и, возможно, единственном случае, когда, проходящий мимо, высокий по рангу командир или начальник пожелает, по какому-либо особому случаю, подать руку офицеру. В этом случае, при держании офицером холодного оружия «на-караул» или «на плечо» обнаженным, таковое временно передавалось в **левую** руку в положение «на плечо» и, по окончании рукопожатия, передавалось им обратно в **правую**, так, как он его держал бы, если бы за это время не было подано новой, общей команды.

Не знаю было ли это положение закреплено приказом по Военному Ведомству, но, как кадровый офицер, я знаю, что, может быть, по какому-то неписанному закону, так «полагалось» делать. Мне лично раз пришлось подать рапорт Командующему Войсками Одесского Военного округа (вне строя), имея холодное оружие «на-караул». При подаче мне генералом Н. руки, я передал оружие в **левую** руку «на-плечо» и после рукопожатия перешел в «первобытное» положение. Жизнь показала как надо сделать, но было ли это по какому-либо Уставу или Приказу, не знаю.

Так что, по-моему, фотография правильна для этого особого случая.

Стр. офицер Константиновского артиллер. училища гвардии капитан и член Об-ва Любителей Русской Военной Старины

Б. Николаев.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНУЮ ПРОДАЖУ КНИГИ «ВОСПОМИ- НАНИЯ ГЕНЕРАЛА А. П. БОГАЕВСКОГО».

Трагические дни Атамана А. М. Каледина и Ледяной поход. Издание Музея Белого Движения Союза Первопоходников. Около 200 стр. и 20 редких фотографий. Все на хорошей бумаге. Цена с перес. по предвар. подписке: в Европе и Южной Америке — 2 дол. или 10 фр., в Австралии — 2 дол. 20 ц. или 1 австрал. фунт, в С.А.С.Ш. и Канаде — 2 дол. 50 ц. Тираж ограничен. Выход ожидается в августе с. г.

Заказы с приложением стоимости направлять по адресам:

Mr. Bogaevsky — 52, Av. Flachat, Asnières (Seine), France.

Mr. P. Alexeeff — 37-20, 64 Str. Woodside 77, N.Y. U.S.A.

Mr. Polansky — 1279, 11 Ave. San-Francisco, U.S.A., Cal.

Журнал «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» можно по- лучать:

Париж — в Конторе журнала — 61, rue Chardon - Lagache, Paris 16 и в русских книжных магазинах.

Брюссель — у И. Н. Звездкина — 1, Chemin Ducal, Tervuren.

Лондон — а) у В. В. Барачевского — 23, Alder Grove, London N. W. 2, б) у Д. К. Краснопольского — 19, Warwick Road, London S. W. 5.

Германия — у И. Н. Горяйнова — Hamburg-Postamt 33, Deutschland. Postlagernd.

Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bredgade 53, Copenhagen.

Италия — у В. Н. Дюкина — Via Nemorense 86, Roma.

Сев. Ам. С. Ш. — а) в Обще-Кадетском Объединении у — А. Куторга — 272, 2 Avenue San-Francisco 18, б) у С. А. Кашкина — P.O. Box 68, Bellerose 26, L. I., N. Y.

Канада — у Б. Л. Орешкевича, 167, Chisholm Ave Toronto 13, Ont.

Австралия — а) у В. Ю. Степанова, 57, rue Bruce, Stanmor (N.S.W.); б) у Н. А. Косач, 16, Valmai Ave. King's Park, Adelaide, South Australia.

Венецуэла — у К. А. Келльнера — 24, av. Sarria, Caracas.

Аргентина — у Г. Бордокова, Zapiola 4192 Buénos - Aires, Argentina.

« МОРСКИЕ ЗАПИСКИ »

под ред. стар. лейт. барона Г. Н. ТАУБЕ.
Вышел и разослан подписчикам № 3/4(57)
г. XX 1962 г.

Подписная цена — 3 дол. в год.
Представитель на Францию:
В. И. Яковлев, 5 bis, rue de Tourville,
St. Germain en Laye (S. et O.)

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА «ВОЕННОЙ БЫЛИ»

вышли в свет:

- № 1 — П. В. Пашков — Ордена и знаки отличия гражданской войны — 6 фр.
- № 2 — Евгений Молло — Русское холодное оружие XIX века — 2 фр.
- № 3 — В. П. Ягелло — Княжеконстантиновцы — 1,50 фр.
- № 4 — В. Альмендингер — Симферопольский Офицерский полк — 6 фр.

«МАРКОВЦЫ В БОЯХ И ПОХОДАХ ЗА РОССИЮ»

Том I.

Книга написана по историческим материалам, дневникам и воспоминаниям участников Первого и Второго Кубанских походов. 400 стр., много схем и фотографий. Цена книги — 25 фр. без пересылки. Принимается подписка на 2-й том.

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ

СБОРНИК ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА ПОЭТА К. Р.

ИЗДАНИЕ СОВЕТА ОБЩЕ-КАДЕТСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ.

Продается в Конторе Издательства 61, rue Шардон-Лагаш, Париж 16.

Цена — 21 нов. фр., страны заокеанские — 5 амер. долл.

НА СКЛАДЕ ИМЕЮТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ
КНИГИ, ДОХОД ОТ ПРОДАЖИ КОТОРЫХ
ИДЕТ В ПОЛЬЗУ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

История лейб-гвардии Конного полка —
300 нов. фр.

К. С. ПОПОВ — Лейб-Эриванцы в Великой
войне — 25 нов. фр.

В. Е. ПАВЛОВ — Марковцы в боях и по-
ходах за Россию — 25 фр.

ГОШОВТ — Кирасиры Его Величества
тт. II и III — 25 фр.

Генерал А. А. фон-ЛАМПЕ — Пути верных
16 нов. фр.

Контр-адмирал ТИМИРЕВ — Воспоминания
морского офицера — 15 нов. фр.

Кирасиры Его Величества — Послед. го-
ды мир. жрем. — 15 фр.

ЕВГЕНИЙ МОЛЛО — Русское холодное
оружие XX века — 2 н. фр.

Г. П. ИШЕВСКИЙ — Честь — 8 нов. фр.

И. А. ПОЛЯКОВ — Донские казаки в борь-
бе с большевизмом — 22 н. фр. 50 с.

ЮРИЙ СЛЕЗКИН — Две семьи —
5 нов. фр.

БУЛГАКОВ — Русский и герм. воен. мир о
творчестве К. С. Попова — 4 нов. фр.

Б. М. КУЗНЕЦОВ — 1918 г. в Дагестане —
8 нов. фр. 50 сант.

Б. М. КУЗНЕЦОВ — В угоду Сталину, том
II — 11 нов. фр. 50 сант.

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ

Знамена и штандарты русской армии

Часть 1-я: От XVI века до 1800 года.

Тетрадь текста с подробнейшим описани-
ем по-русски и по-французски и 73 нерас-
крашенных таблиц с около 700 рисунков.

Цена с пересылкой — 50 фр. или 11 амер.
долл.

Выпущено только СТО экземпляров.
Часть 2-я (1801-1914) предположительно
выйдет в начале 1964 года и будет прода-
ваться ТОЛЬКО приобретшим часть 1-ую.

Обе части считаются как одно неразрыв-
ное целое, посему заинтересованных лиц
прошу при переводе платы за 1-ую часть,
заявлять о своей подписке на 2-ую.

Уплата может производиться из Фран-
ции почтовым переводом или банковским
чеком, из за-границы — почтовым перево-
дом или Америкен Экспресс, а банковские
чеки принимаются только в том случае ес-
ли банк имеет в Париже отделение, кото-
рое он оповещает о выписанном чеке и оно
выплачивает без вычета какой-либо ко-
миссии.

Владимир Владимирович ЗВЕГИНЦОВ

17, rue Saint-Saëns, Paris 15.